
ОШИБКА:
ВЫ ЖИВЫ
ZLOSOSIS
роман

ZLO SOSIS
Ошибка: Вы живы

https://litres.ru/74835079
SelfPub; 2026

Аннотация

В Низовске смерть иногда оформляют раньше человека.

Никите Горину пришёл счёт за собственные похороны. Дата — вчера. Подпись — его, с тем самым крючком, который он ставит с девятого класса.

Дальше реестр предложит выбрать, который из двух Никит имеет право остаться. Роман о городе, который правит людей, как черновик.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	44
Глава 3	85
Глава 4	125
Глава 5	171
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Ошибка: Вы живы

В Низовске смерть иногда оформляют раньше человека.

Глава 1
Покойник, который не расписался



Счёт за мои похороны пришёл во вторник, в шесть сорок утра.

Похороны, согласно приложенной квитанции, состоялись в понедельник.

Я отнёсся к этому спокойно. За последние три месяца мне выставляли задолженность за квартиру в доме, где я никогда не жил, штраф за парковку автомобиля, которого у меня не было, и пеню за просрочку уплаты пени. Городские службы Низовска давно перешли из области государственного управления в область экспериментального искусства.

Но в этот раз у них получилась особенно смелая работа.

«Муниципальная похоронная служба. Заказ № 000001. Усопший: Горин Никита Андреевич. Дата смерти: 10 ноября. Причина: устранение несоответствия. Место захоронения: не предусмотрено».

В конце стояла сумма — сорок семь тысяч восемьсот рублей, — а под ней моя подпись.

Не похожая. Не подделанная кое-как. Моя. С характерным крючком на букве «Г», который я делал с девятого класса, после того как одноклассник сказал, что у меня подпись похожа на раздавленного комара.

Подпись была поставлена вчера в 23:58.

И вот это мне уже не понравилось.

Вчера в 23:58 я сидел на кухне с сестрой, ел холодную гречку и убеждал её, что переходить на домашнее обучение за полгода до экзаменов — отвратительная идея. Варя в от-

вет убеждала меня, что любое обучение лучше школы, в которой директор носит парик и считает себя достойным уважения. На последнем пункте у неё была сильная позиция.

Я открыл историю операций. Платёж прошёл автоматически, хотя денег на карте оставалось меньше тысячи. Баланс теперь составлял минус сорок шесть тысяч девятьсот двадцать два рубля.

— Убили и в кредит закопали, — сказал я.

— Кого? — спросила Варя.

Она появилась в дверях кухни босая, в моей растянутой футболке, держа в руке зубную щётку. На щеке у неё была полоса от подушки, а волосы торчали так, будто ночью она принимала радиосигналы с орбиты.

— Меня. Вчера. По документам.

— Блин. А я-то думаю, почему ты с утра такой свежий.

Я повернул к ней телефон. Варя прочла квитанцию, фыркнула и тут же перестала улыбаться.

— Никит… Тут написано «Варя Горина».

— Где?

Она ткнула пальцем в строку, которой секунду назад не было.

«Уведомление ближайшего родственника: исполнено. Горина Варвара Андреевна. Подтверждение получено: 03:17».

— Ты что-нибудь подтверждала?

— В три семнадцать я спала. Я нормальный человек.

— Ты легла в четыре.

— Ну, я пыталась спать. Это считается.

Я сделал скриншот. На нём строки о родственнике не оказалось.

Варя посмотрела на экран, потом на меня.

— Может, приложение глючит?

— Приложение похоронило меня. Глюк был бы приятной новостью.

Она вгляделась в квитанцию ещё раз. Старалась не показывать страх. У неё вообще была странная привычка: когда происходило что-то плохое, она становилась вежливее. В одиннадцать лет, после больницы, она три дня обращалась ко мне «Никита Андреевич». Я тогда впервые понял, что детей нельзя оставлять наедине с горем: они начинают изобретать для него манеры.

— Отнеси в банк, — сказала она. — И не открывай никому, если придут за телом.

— А если принесут цветы?

— Возьми. У нас ваза пустая.

Она улыбнулась, но глаза остались серьёзными.

На холодильнике под магнитом в форме кота висел листок: «НЕ ЗАБЫТЬ: забрать Варю в пятницу с репетиции». Я сам его написал. У Вари был сольный концерт в конце месяца, и её руководительница считала, что встречаться с прекрасным нужно через страдание. Репетиции заканчивались после одиннадцати вечера.

— Всё нормально, — сказал я и положил телефон экра-

ном вниз. — Вернут деньги, ещё и извинятся.

— Извинятся? — Варя подняла бровь. — Тебя точно подменили.

Дверь за ней закрылась. Я услышал, как в ванной зашумела вода, и снова посмотрел на квитанцию.

В верхней части экрана появилась новая строка.

«Срок добровольного устранения: 03:17».

Сегодня или вчера — не уточнялось.

Я попытался отправить квитанцию на почту. Приложение вылетело. Открыл фото — скриншот был обычным, без подписи и уведомлений. Пожаловался в поддержку. Автоответчик предложил выбрать категорию обращения: «Неверная сумма», «Проблемы с оплатой» или «Другое».

Я выбрал «Другое».

«Уточните, пожалуйста, ваше состояние».

— Раздражённое, — ответил я.

На экране зажглись две кнопки: «Жив» и «Не уверен».

Я смотрел на них секунд десять.

Потом нажал «Жив».

Приложение зависло, мигнуло и написало:

«Ваш ответ противоречит сведениям реестра. За предоставление недостоверной информации предусмотрена ответственность».

— Наконец-то, — сказал я. — Нашли преступника.

К восьми я уже сидел в электричке, направлявшейся в центр, и пытался решить, что делать с чужой подписью, ко-

торая принадлежала мне.

Я работал в Бюро возврата утраченного имущества. Название звучало почти благородно. На самом деле мы разбирали вещи, оставленные в городском транспорте, на вокзалах и в муниципальных учреждениях: мокрые зонты, телефоны, детские варежки, чемоданы, в которые страшно заглядывать без свидетелей. Иногда находили документы, иногда — крупные суммы, один раз — человеческие зубы в коробке из-под конфет.

Самыми тяжёлыми были вещи пропавших людей. Их приносили родственники, не зная, куда ещё идти. Мы хранили их шесть месяцев. Потом составляли акт утилизации.

В начале года к нам поступила красная школьная шапка. Маленькая, с помпоном. Женщина, которая принесла её, утверждала, что у неё есть сын. В документах сына не было. Мы проверили базу: ни записи о рождении, ни полиса, ни школьного дела. Женщина плакала, а начальник, Семён Ильич, предложил вызвать психиатра.

Я тогда спрятал шапку в стол вместо того, чтобы отправить на склад. Сам не знал почему.

На следующей неделе женщина пришла снова. Не вспомнила ни шапки, ни сына. Спросила, не находили ли мы её складной зонт.

Я выдал зонт.

А шапку оставил.

Теперь, глядя в окно электрички, я вдруг вспомнил, что

на внутренней стороне шапки было вышито имя.

ФЕДЯ.

И номер телефона, которого не существовало: одиннадцать цифр, все одинаковые.

В поезде пахло мокрыми куртками и растворимым кофе. Напротив меня дремал мужчина с огромным букетом хризантем; цветы упирались ему в лицо, будто медленно душили. Над дверью бегущая строка сообщала: «Следующая станция — Центральная».

Она мигнула.

«Следующая станция — Центральная. Пассажиры, отсутствующие в утверждённом расписании, обязаны покинуть состав».

Я моргнул. Надпись снова стала нормальной.

— Вы видели? — спросил я у мужчины с хризантемами.

— Что?

— Да нет, ничего.

Судя по его взгляду, до моего похоронного дела оставалось добавить пару справок из психдиспансера.

На «Центральной» я вышел в толпе и задержался у турникетов. Меня окликнул знакомый голос:

— Горин! А у тебя сегодня выходной в аду?

Тамара Седых, инженер по безопасности метро, стояла у служебной двери с бумажным стаканчиком. У неё была рыжая коса, разбитый экран телефона и выражение лица человека, который заранее не одобряет происходящее. Мы дру-

жили со школы. С тех пор она успела закончить институт, развестись и провести столько часов под землёй, что уверяла: наверху воздух подозрительно некачественный.

— Я вообще-то умер, — сказал я.

— Поздравляю. Теперь можешь законно не брать трубку от начальника.

Я показал ей квитанцию.

Тамара взяла телефон, внимательно прочла, подняла глаза.

— Где ты это взял?

— Из официального приложения. Хочешь, покажу, как они предлагают мне подтвердить жизнедеятельность?

Она не улыбнулась.

— Никита, в какой день ты родился?

— В пятницу. Мама рассказывала, что у неё из-за меня сорвался поход в кино.

— Число.

Я назвал дату.

— А Варя?

Я назвал и её.

Тамара оглянулась на служебную дверь. Под глазом у неё дёрнулась мышца.

— Удали квитанцию. Сейчас. И никому больше не показывай.

— Это новый уровень работы с обращениями граждан? Если квитанцию удалить, долг сам рассосётся?

— Не шути.

Я перестал.

У неё были такие глаза, будто на перроне за моей спиной стоял кто-то, кого она очень не хотела видеть.

— Тамар, что происходит?

— Сегодня ночью у нас пропала целая смена. Семь человек. По документам их никогда не нанимали. На записях видеонаблюдения — пустой пункт контроля. Но я вчера пила чай с одной из них. А теперь не могу вспомнить её лицо.

Я почувствовал неприятный холод под рёбрами.

— Это шутка?

— Хотела бы. Подойди ко мне после девяти. В диспетчерскую, дверь с серым кодовым замком. Я кое-что нашла.

За её спиной из-за угла вышли двое мужчин в одинаковых серых пальто. Ничего примечательного — если не считать того, что шли они в ногу, как люди с одной парой ног на двоих.

Тамара заметила мой взгляд. Лицо у неё изменилось.

— Идём, — сказала она.

— Куда?

— Не туда, куда ты сейчас смотришь.

Она схватила меня за рукав и потянула к служебной двери.

Ударил звук объявления, слишком громкий для обычного вокзала:

«Уважаемые пассажиры! В связи с проведением плановой

сверки просьба сохранять спокойствие. Лица, подлежащие исключению из перевозки, будут уведомлены индивидуально».

Все вокруг продолжали идти. Только женщина у турникета остановилась и закричала.

Мальчик лет восьми стоял рядом с ней и постепенно становился прозрачным.

Сначала исчезли шнурки. Затем пальцы на правой руке — словно кто-то стирал ребёнка резинкой, не очень аккуратно, оставляя по краям серые крошки. Его мать вцепилась в куртку, но ткань провалилась у неё между пальцами.

— Феденька! — крикнула она. — Федя, держись!

У меня остановилось дыхание.

Имя было то самое.

Из памяти всплыла женщина в нашем бюро. У неё тогда были чёрные волосы, собранные в тугой узел, и привычка тереть большим пальцем обручальное кольцо. Сейчас она постарела, стала светлее, но кольцо было прежним. Три раза она смотрела на него, словно ждала, что металл подскажет ей, как вести себя, когда собственный сын исчезает у тебя на руках.

— Не подходи, — произнесла Тамара.

Я уже шёл.

Не потому, что был хорошим человеком. Хорошие люди, насколько я понял за двадцать семь лет, обычно первыми оказываются под раздачей. Просто у меня перед глазами сто-

яла красная шапка, запертая в ящике рабочего стола, и женщина, которая полгода назад перестала помнить своего ребёнка. Я почему-то был уверен, что второй раз она этого не переживёт.

— Федя! — окликнул я.

Мальчик повернул ко мне голову. Его лицо дрожало, как отражение на воде.

— Дядя, — сказал он тонким голосом. — Я опять сделал что-то не так?

Слева остановился один из мужчин в сером пальто.

Лицо у него было настолько обыкновенное, что его невозможно было описать: тёмные волосы, прямой нос, немного уставшие глаза. Такие лица рисуют в инструкциях к технике в разделе «Типичный пользователь». На лацкане висел серебряный значок — две вертикальные линии, перечёркнутые третьей.

— Гражданин, — сказал мужчина. — Отойдите от неучтённого объекта.

— Это ребёнок.

— В действующем реестре он не является ребёнком.

— А в каком является? В реестре холодильников?

Мужчина перевёл взгляд на меня. В его зрачках я увидел не себя, а чёрный прямоугольник, похожий на выключенный экран.

— Назовите имя.

— Своё или холодильника?

Тамара схватила меня за локоть так сильно, что захрустела ткань куртки.

— Никита, пожалуйста. Не отвечай.

Но было поздно. Мужчина посмотрел на мой бейдж, висевший на шнурке под воротником, и спокойно произнёс:

— Горин Никита Андреевич. Объект завершён вчера. Почему объект находится в эксплуатации?

У турникетов мигнул свет.

Все люди вокруг остановились одновременно.

Не замерли от испуга. Просто прекратили движения, оставшись стоять в неудобных позах: чья-то нога висела над ступенькой, у женщины с кофе тонкая струйка напитка застыла между стаканчиком и полом. У мужчины с хризантемами один цветок оторвался от букета и не падал.

Только нас четверо — я, Тамара, мальчик и его мать — могли двигаться.

И оба серых человека тоже.

— Основание для продолжения функционирования? — спросил первый.

— Я бы предъявил трудовую книжку, — сказал я, — но мне кажется, она вас не устроит.

— Правильно.

Второй мужчина снял перчатку. На месте ладони у него располагалась гладкая белая пластина, в которую было вдавлено слово «ОТМЕНЕНО».

Мать мальчика завыла. Федя опустился на колени — ноги

у него пропали до бедра.

— Семь секунд до завершения процедуры, — сказал первый.

Я бросился к ребёнку.

Пластина второй фигуры ударила меня в грудь. Это было не похоже на удар рукой. Скорее на то, как если бы на меня опустилась бетонная плита, взятая напрокат у гравитации. Воздух вышибло из лёгких. Меня отбросило на турникет, я ударился затылком о железо и почувствовал во рту вкус крови.

Мир дёрнулся.

Перед глазами появился тёмный полупрозрачный прямоугольник.

«ОБНАРУЖЕНО НЕСООТВЕТСТВИЕ».

«Субъект: Горин Н. А.».

«Согласно действующей версии мира субъект мёртв».

«Согласно наблюдению субъект оказывает сопротивление».

«Противоречие подтверждено».

Ниже мигала строка:

«Желаете подать возражение?»

Два слова — «ДА» и «НЕТ» — висели прямо в воздухе.

Я попытался ткнуть пальцем в «ДА». Палец прошёл насквозь.

— Что за…

«Для принятия решения выразите намерение».

Конечно. Самое время разбираться с пользовательским интерфейсом. Я мысленно выкрикнул: «ДА!»

Прямоугольник побелел.

«ВОЗРАЖЕНИЕ ПРИНЯТО К ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ РАССМОТРЕНИЮ».

«Заявитель: Горин Никита Андреевич».

«Статус: нулевой свидетель».

«Уровень допуска: 0».

«До удаления заявителя: 00:01:47».

— Вы издеваетесь, — выдохнул я.

— Это не предусмотрено, — ответил мужчина в сером.

Он видел прямоугольник.

По тому, как изменилось его лицо, я понял: этого он не ожидал.

Тамара ударила второго серого в колено металлическим термосом. Термос расплющился, фигура даже не качнулась.

— Беги! — крикнула она.

— С ребёнком!

— Его нет!

Я повернул голову. На месте Феди оставалось дрожащее пятно света, очертаниями напоминавшее сидящего мальчика. Женщина держала пустой воздух.

«Объект Фёдор К. Исключение: 98 %».

«Предмет возражения?»

Вспыхнуло меню: «Ваше исключение», «Исключение стороннего объекта», «Другое».

— Исключение ребёнка, — подумал я.

«Выбрана процедура третьей стороны».

«ВНИМАНИЕ. Заявитель не имеет допуска к процедуре третьей стороны».

«Временное право предоставляется по исключительной причине: личное участие заявителя в чужой утрате».

«Для оспаривания представьте доказательство существования объекта, не зависящее от памяти свидетелей».

Таймер продолжал отсчёт. Минуты у меня не было. Семнадцати секунд — тоже.

И вдруг вспомнился красный помпон.

Шапка была не в столе.

Накануне Семён Ильич велел очистить архив от вещей, чей срок хранения истёк. Я не смог выбросить её и сунул в рюкзак вместе с бутербродами. Всю дорогу она лежала у меня за спиной, смешная и совершенно ненужная. Именно такие вещи иногда оказываются важнее тебя.

Я сорвал рюкзак с плеча.

Мужчина с чёрными зрачками двинулся ко мне. Быстро — быстрее обычного человека. Его правая рука вытянулась, а пальцы разделились вдоль на тонкие белые полоски, похожие на края бумаги.

Я упал на колено, полоски прошили воздух над головой и разрезали вывеску с названием станции. Буквы посыпались на пол. Не пластиковые буквы — сами слова, тёмные и плоские, как вырезанные из газеты.

— Никита! — орала Тамара.

Я вытряхнул содержимое рюкзака. На плитку вывалились контейнер с макаронами, связка ключей, чек из магазина, старый зарядник и маленькая красная шапка.

Женщина увидела её раньше меня.

— Это… — прошептала она.

Я схватил шапку, вывернул наизнанку. Подкладка была протёрта, возле шва торчала нитка. Имя сохранилось: «ФЕДЯ». Под ним — крошечная бирка городского бюро, моя собственная подпись и номер приёмного акта.

«Доказательство распознано».

«Вид: вещественное».

«Связь с объектом: подтверждена».

«Происхождение: учётная запись из предыдущей редакции».

«Вероятность отмены: 6 %».

Шесть процентов. Я и с нормальной-то вероятностью никогда не выигрывал. Однажды купил лотерейный билет и получил в подарок второй, также проигрышный. Это было моё самое успешное вложение в экономику страны.

— Возражение принимаю, — сказал я.

«Недостаточно. Укажите противоречие».

Какое ещё противоречие? Мир вокруг стоял на паузе, ребёнка стирали, двое мужчин в пальто пытались превратить меня в канцелярскую пыль. И всё-таки системе требовалась конкретная ошибка в бумагах.

Я посмотрел на шапку.

На акте значилась дата приёма: четырнадцатое мая.

Рядом — номер записи, который в обычном мире ничего не говорил.

Но внизу была строка, обведённая моей рукой: «Вещь принята от матери несовершеннолетнего. Поиск владельца продолжается».

— Вот, — прохрипел я. — Вы его исключили полгода назад. А поиск владельца не закрыли.

«Уточните довод».

— Если владельца никогда не было, — сказал я, чувствуя, как таймер бьётся у меня за глазами, — почему ваша же городская служба до сих пор обязана вернуть ему шапку?

Мужчина замер.

Впервые его лицо выразило что-то человеческое: раздражение человека, которому предъявили пункт договора, написанный мелким шрифтом.

«ПРОТИВОРЕЧИЕ ВНУТРИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО РЕЕСТРА».

«Процедура исключения объекта Фёдор К.: ПРИОСТАНОВЛЕНА».

— Нет, — произнёс серый.

Из пятна света проступила сначала детская ладонь, потом плечо, потом лицо. Федя захлебнулся воздухом, будто вынырнул из глубокого водоёма. Мать обхватила его так крепко, что он пискнул.

Я успел улыбнуться.

А потом увидел следующую строку.

«Применённая коррекция требует компенсации».

«Предварительная цена: одно устойчивое личное воспоминание».

«Выберите воспоминание для изъятия».

Передо мной вспыхнули три карточки. На первой я в детстве сидел на плечах у отца на набережной. На второй Варя, маленькая, в бумажной короне, тянула ко мне кусок торта. На третьей мама поправляла мне воротник и что-то говорила перед дверью школы.

Я застыл.

«До принудительного выбора: 00:00:08».

— Не трогай… — выдохнул я.

Но кто меня спрашивал?

Я выбрал первую карточку.

Не потому, что она была менее дорогой. Потому, что на ней был отец, а отца я уже не видел двенадцать лет. Я решил, что память о нём давно потёрлась и потеря будет не такой страшной.

Смешная мысль. Как будто можно оценить рану по тому, насколько старый у тебя нож.

Карточка рассыпалась серой пылью.

На мгновение внутри головы возникла пустота. Я помнил, что отец у нас был. Помнил его имя — Андрей. Помнил, что он любил шахматы и ненавидел сливочное масло. Но когда

попытался вспомнить, каково было сидеть у него на плечах, обнаружил абсолютно ровную поверхность. Не туман. Не забытый снимок. Ничего.

Как если бы кто-то аккуратно вынул из моей жизни одну доску, а остальную мебель поставил на место.

«КОМПЕНСАЦИЯ ПРИНЯТА».

«Объект Фёдор К.: восстановлен в текущей редакции».

«Заявитель получает 1 пункт несоответствия».

«Уровень допуска: 0 → 1».

«Открыта функция: СВИДЕТЕЛЬСТВО. Позволяет видеть изменения, внесённые в предметы и записи за последние 24 часа».

«Ваше исключение: возобновлено».

«До удаления заявителя: 00:00:39».

— Спасибо, — сказал я. — Очень щедро.

Тамара стояла надо мной, тяжело дыша. У неё из носа текла кровь.

— Ты что сделал?

— Служба поддержки наконец ответила.

Первый серый опустился на корточки. Теперь его пальцы были длиннее человеческой руки, а изо рта вылетали белые обрывки, на которых проступали буквы.

— Вы нарушили порядок, — сказал он. — У вас нет полномочий.

— У меня теперь первый уровень допуска. Правда, не уверен, что он покрывает хамство.

— Отмена завершённого объекта невозможна без разрешения архивариуса.

Это слово — архивариус — прозвучало так, что Тамара побледнела сильнее, чем прежде.

— Никита, — сказала она очень тихо. — Он сейчас убьёт тебя.

— По их документам я уже мёртв. Пусть придумают что-нибудь новое.

В этот момент мужчина ударил.

Его рука превратилась в белую полосу, плоскую, как лезвие канцелярского ножа. Она прошла сквозь турникет, не встретив сопротивления, и отсекла металлическую стойку. Та не упала — исчезла. На полу остался аккуратный прямоугольник, в котором можно было увидеть черноту, не похожую на тень.

Я нырнул в сторону. Полоса полоснула по моему плечу. Куртка разошлась, кожа под ней обожглась. Боли сперва не было, зато я не смог вспомнить, как называется предмет, который светит в прихожей.

Лампа.

Нет. Не лампа. Другое слово.

Я схватился за плечо. Между пальцами сочилась кровь, совершенно настоящая.

— Он не режет, — крикнула Тамара. — Он убирает!

Слово вернулось само, как мячик, закатившийся под диван: выключатель.

— Спасибо! Очень своевременное уточнение!

Второй серый потянулся к женщине с Федей. Она закрыла мальчика собой. По её лицу ползли тонкие чёрные строчки, как по бумаге, на которой вымарывают текст.

— Отстаньте от них! — закричал я.

Первый шагнул вперёд. В воздухе перед ним дрогнуло моё имя, написанное крупными белыми буквами. Он протянул руку, чтобы перечеркнуть его.

«До удаления заявителя: 00:00:21».

Мне отчаянно захотелось ударить его. Вместо этого я потянулся к телефону. На экране висела квитанция. Время — 09:06. Дата — одиннадцатое ноября. Счёт по-прежнему был оплачен.



— Стойте! — крикнул я.

Он, разумеется, не остановился.

Тогда я подумал: «Возражение против моего исключения».

«Основание?»

— Акт составлен с нарушением.

«Укажите нарушение».

— Подпись на счёте.

Полоса зависла в сантиметре от моего горла.

«Уточните».

— Смерть зарегистрирована десятого ноября. Время смерти в реестре отсутствует. Но квитанция подписана мной в 23:58. Вы либо признаёте, что я совершал действия после своей смерти, либо признаёте, что счёт подписан не мной. В обоих случаях подтверждение завершения незаконно.

«Проверка логической цепочки».

Серый человек на секунду покосился вверх. Очевидно, рядом с ним появилось собственное окно. Я почти услышал, как где-то в недрах невидимого ведомства скрипнули зубы.

«Возражение частично обосновано».

«Требуется проверка подлинности подписи».

«Исполнение приостановлено на 18 часов».

Белые буквы моего имени погасли.

Мужчина вскрикнул. Не от боли — от ярости. Его рука врезалась в стену, высекла на бетоне длинную щель, из которой повалил холодный туман.

«До удаления заявителя: —».

«Новый срок: 12 ноября, 03:17».

«За нарушение установленного порядка исполнителю присвоен статус: ПОДОЗРЕНИЕ НА ОШИБКУ».

Второй серый замер. Затем медленно повернул голову к первому.

— Коллега, — произнёс он. — Вы допустили отклонение.

— Не вмешивайся.

— Отклонение должно быть устранено.

Его белая ладонь раскрылась, как печать на пружине.

Они бросились друг на друга.

Зрелище было настолько неожиданным, что я на миг забыл убегать. Двое безликих сотрудников стали рвать друг друга на длинные полоски белой материи, из которых сыпались обрывки дат, адресов и коротких фраз. На плитку упал листок с надписью «ЖАЛОБА УДОВЛЕТВОРЕНА». Другой листок — «ГРАЖДАНИН ОТСУТСТВУЕТ». Третий был пуст.

— На это можно смотреть бесконечно, — заметил я.

— Ты собираешься дожить до конца представления? — Тамара дёрнула меня за руку.

— Учитывая обстоятельства, очень бы хотелось.

Она потащила меня за служебную дверь.

Мы пробежали вдоль узкого коридора, где желтоватые лампы моргали по очереди, будто отсчитывали последние секунды. За спиной всё сильнее трещало. Кто-то выкрики-

вал номера приказов. Потом прозвучал звук, похожий на вырванную страницу, — и стало тихо.

Тамара распахнула металлическую дверь и втолкнула меня в маленькую комнату с приборами. На одной стене висела схема метро. На другой — десятки мониторов, показывавших пустые платформы.

Она заперла дверь на три задвижки.

— Сядь.

— Я бы предпочёл немного паники.

— Это после того, как я посмотрю рану.

Она достала аптечку. Я опустился на стул и наконец почувствовал боль. Взрослая, профессиональная боль, которая пришла строго по графику, в отличие от муниципальных служб.

Тамара разрезала рукав куртки ножницами. На плече тянулась полоска воспалённой кожи, а в середине — узкая впадина, будто кто-то выскоблил часть мышцы ложкой. Кровь продолжала идти.

— Знаешь, что самое страшное? — спросила она.

— То, что ты сейчас достанешь спирт?

— То, что твоя рана не отражается в камере.

Она повернула к себе ближайший монитор. На нём я сидел на том же стуле, в той же куртке. Только плечо было целым. Тамара на записи работала ножницами над совершенно здоровой рукой.

— То есть камера врёт?

— Нет. Камера показывает ту версию, которую утвердили.

Мне стало холодно, хотя в помещении было душно.

— А ты видишь другую. Почему?

Тамара помолчала.

— Потому что несколько месяцев назад я сама увидела человека, которого удалили. И не смогла забыть.

— Кто это был?

Она с силой затянула бинт.

— Мой муж.

Я поднял глаза.

— Ты же говорила, что развелась.

— Я так всем говорю. По документам я никогда не была замужем. Мне проще, когда люди думают, что у меня сложный характер, а не сложная реальность.

Она убрала аптечку и посмотрела на меня так, будто решала, стоит ли открывать самый тяжёлый ящик своего шкафа.

— Когда Дима исчез, я нашла в диспетчерской видео. На нём он заходил в поезд в 03:16. В 03:17 исчезло его отражение в окне. В 03:18 поезд прибыл пустым. Запись удалили, но я успела сделать копию на старую кассету.

— Кассету?

— Магнитную. У них с аналоговыми носителями проблемы. Изменяют не всё и не сразу. Поэтому у меня в комнате коробка плёнок, а не сервера, как у нормального человека.

— Ты могла рассказать мне.

— А ты мог бы мне поверить?

Я хотел сказать «да» и не смог. До этого утра я бы посоветовал ей выспаться. Возможно, вежливо, если бы она принесла кофе.

На одном мониторе дёрнулась картинка. На платформе стоял тот самый мужчина в сером пальто. Теперь он был один. Половины лица у него не было, вместо неё колыхались полоски бумаги. Он поднял голову и посмотрел прямо в камеру.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО: ОБНАРУЖЕНО ИЗМЕНЕНИЕ».

Перед моими глазами проступил тонкий янтарный контур. Я увидел поверх изображения второе: пустая платформа, тот же ракурс, только на часах стояло 09:09, а не 09:11. Мужчины там ещё не было.

Функция работала. Реестр показывал, что было до правки.

Мужчина на мониторе открыл рот.

Из динамика раздалось:

— Нулевой свидетель. Ваше дело передано в центральный архив. Срок истекает в три семнадцать. Не пытайтесь покинуть город. За его границами вас нет.

Экран погас.

— Милая у вас служба оповещения, — сказал я.

Тамара не рассмеялась.

— Он назвал тебя нулевым свидетелем?

— Ага. И первый уровень выдали. Можно ли как-нибудь обменять его на страховку?

— Никита, я много месяцев искала человека, который может увидеть исправление до того, как оно закончится. Те, кто видит после, сходят с ума или исчезают. Я думала, таких людей просто нет.

— А оказалось, что один из них задолжал сорок семь тысяч за похороны.

— Послушай. Это не игра. Если ты что-то можешь, они будут тебя искать.

— Уже ищут.

— Нет. Те двое — обычные исполнители. У них даже имён нет. Когда о тебе узнает тот, кто отдаёт приказы, всё станет хуже.

Я вспомнил слово, сказанное серым человеком: архивариус.

— Ты знаешь, кто такой архивариус?

Тамара долго смотрела на дверь.

— Только то, что в некоторых записях после каждого исчезновения звучит один и тот же голос. Низкий. Мужской. Он говорит: «Исправлено». Дима перед исчезновением несколько недель пытался найти, откуда этот голос идёт. Потом рассказал мне, что нашёл на схеме метро станцию, которой нет.

— Как называется?

— «Последняя».

Я фыркнул — от нервов.

— Создателю топонимов давно пора в отпуск.

— Там, по словам Димы, хранятся исходные записи. Не копии. То, что мир помнил до всех исправлений.

— Тогда почему мы до сих пор сидим здесь?

— Потому что последний поезд туда ушёл восемь лет назад. А Дима пропал, когда попытался пройти пешком.

Слово «восемь» зацепилось за что-то внутри меня. Когда мне было девятнадцать, отец уже четыре года числился пропавшим без вести. Я не помнил, когда именно он исчез. В документах значился несчастный случай за городом, но тела никто не видел. В семье эту тему старались не трогать, особенно при Варе.

Я подумал о потерянном воспоминании и почувствовал злость, плотную, как камень.

Тамара заметила выражение моего лица.

— Что ты отдал?

— Что?

— Когда мальчик вернулся, у тебя изменились глаза. Словно ты на секунду не узнал меня. У таких чудес всегда есть цена.

— Воспоминание об отце, — сказал я. — Одно. Не самое важное.

— Не говори так. Самое важное мы замечаем, когда оно уже исчезло.

Она села напротив, впервые за всё утро не похожая на человека, который способен починить любой механизм отвёрткой и руганью.

— Ты спас мальчика. Это было правильно. Но если система предлагает выбор — думай. Не позволяй ей выбирать за тебя.

Из коридора донёсся металлический стук. Затем ещё один. По двери медленно прошлась тень.

Тамара встала.

— Уходи через вентиляционный проход. Он выходит во двор почтамта. Я задержу тех, кто пришёл.

— Ты вообще себя слышишь? «Задержу тех, кто пришёл». У тебя термос погнулся о одного из них.

Она показала на щиток в углу.

— Зато у меня есть городская система пожаротушения и понимание, как в ней перепутаны провода. Им не понравится.

— А тебе?

— У меня на сегодня смена до восьми вечера. Мне в любом случае здесь оставаться.

Я хотел возразить, но телефон завибрировал.

Варя.

Я ответил сразу.

— Никит, — сказала она. Голос был странно ровный. — Ты где?

— На работе. Всё хорошо. Ты в порядке?

— К нам приходили.

Внутри меня всё оборвалось.

— Кто?

— Мужчина. В сером пальто. Сказал, что он из службы исполнения. Я не открыла.

— Молодец. Закрой все замки. Я сейчас приеду.

— Он сказал ещё кое-что.

— Что?

В трубке послышался тонкий скрип. Как будто кто-то медленно водил ногтем по стеклу.

— Сказал, что ты давно умер. Что человека по имени Никита Горин сегодня утром вообще не должно быть. А потом спросил, почему я до сих пор помню тебя.

Тамара заметила, как я побледнел. Потянулась к телефону, будто могла вытащить из него опасность.

— Варя, — сказал я. — Не разговаривай с ним. Не отвечай ни на какие вопросы. Я приду.

— Никит… — Её голос вдруг дрогнул. — Я кое-что нашла. В нашем шкафу. Я не знаю, откуда это взялось.

— Что?

— Папину фотографию. Старую. Там он держит тебя на плечах на набережной. Но у тебя вместо лица…

Связь оборвалась.

В этот миг я понял, что потерял не просто воспоминание.

Я потерял единственное доказательство того, что оно когда-либо было моим.

«УВЕДОМЛЕНИЕ. Изъятое воспоминание обнаружено в чужом архиве».

«Локация: квартира 47, улица Школьная, 8».

Наш адрес.

«Рекомендуется не приближаться к источнику без права на вторую апелляцию».

Снизу появилось предупреждение, не похожее на остальные. Буквы были красные, будто кто-то набрал их обожжённым пальцем:

«НЕ ВЕРЬТЕ ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРЫЙ ПОМНИТ ВАС ЛУЧШЕ, ЧЕМ ВЫ САМИ».

— Что с твоей сестрой? — спросила Тамара.

Я уже засовывал вещи в рюкзак. Красную шапку положил отдельно, в боковой карман. По какой-то причине было важно, чтобы она оставалась под рукой.

— Не знаю. Но дома кое-кто есть.

— Подожди. Я попробую связаться с людьми, которым ещё можно доверять.

— Ты десять минут назад сказала, что таких нет.

— Я сказала, что их мало.

— Вот и экономь.

Она схватила меня за запястье.

— Если увидишь человека в сером пальто, не называй имён. Ни своего, ни Вари. И ни за что не соглашайся на обмен, даже если предложат вернуть отца.

— Ты слишком много знаешь для человека, который «случайно» нашёл кассету.

— Ты слишком много шутишь для человека, которого похоронили.

Она отпустила руку.

— Позвони, когда доберёшься. Если не возьму трубку — звони ещё. Если ответит мой голос и не назовёт тебя придурком, клади трубку.

Это прозвучало почти как дружеское пожелание хорошего дня. В новых обстоятельствах я был благодарен и за такое.

Вентиляционный коридор оказался тесным, пыльным и унизительно длинным. Я полз по нему, слушая, как в диспетчерской за спиной Тамара открывает шкафы, бросает на пол инструменты и громко ругается. Через минуту раздался треск, завыла пожарная сирена, и поток холодной воды ударил по воздуховоду.

Пожаротушение ей действительно удалось.

Вылез я во двор старого почтамта, поцарапанный, мокрый и окончательно потерявший право кого-либо осуждать за жизненные решения. Рука под бинтом пульсировала. На экране телефона оставалось тридцать семь процентов заряда, минус сорок шесть тысяч на карте и непрочитанное уведомление от похоронного агентства:

«Благодарим за обращение. Ваше дело передано старшему специалисту».

Я едва не расхохотался.

А потом увидел автобус, стоявший на остановке.

Номер сорок семь. Он шёл прямо к нашему дому. Я побежал.

Водитель закрыл двери перед моим носом. Я постучал по

стеклу. Он посмотрел на меня, вздрогнул и отвернулся. Как только я перестал стучать, он открыл двери снова — для женщины с коляской, стоявшей у меня за спиной. Я втиснулся в салон вслед за ней.

— Эй! — окликнул водитель. — Кто там двери держит?

Я обернулся.

Он смотрел сквозь меня.

Я поднял руку, помахал. Никакой реакции.

Пассажиры тоже меня не замечали. Женщина с коляской даже поставила пакет мне на ботинок, а когда я попросил убрать его, шарахнулась от пустого места.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО: ТЕКУЩАЯ ВЕРСИЯ НЕ СОДЕРЖИТ ВАШЕГО ПРИСУТСТВИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ».

Ну да. Мёртвым полагается ездить без билета, но почему-то от этого не становилось приятнее.

В окне я видел своё отражение. Бледное лицо, растрёпанные волосы, красная полоска на шее. Пока всё на месте. Однако рядом с моим отражением мелькало ещё одно — слегка отстающее, словно пассажир, который повторяет движения с задержкой в полсекунды.

Я резко обернулся.

За спиной никого не было.

На остановке «Школьная» двери распахнулись. Я выскочил наружу и почти бегом пересёк двор.

Наш дом стоял между аптекой и магазином автозапча-

стей. Девятиэтажная панелька с облупившейся синей краской, где лифт работал только тогда, когда ему было морально удобно. Обычно я ненавидел этот двор: разбитую дорожку, сломанную скамейку, соседей, которые подкармливали голубей хлебом и одновременно жаловались на голубиный помёт. Сейчас каждая трещина казалась доказательством того, что мир ещё держится.

У подъезда сидела наша дворничиха, тётя Зина, и чистила картошку в большую миску.

— Тётя Зин, Варю не видели?

Женщина продолжала снимать кожуру. Я вспомнил автобус, опустился перед ней на корточки.

— Тётя Зина. Это я, Никита.

Она подняла глаза.

— Господи Иисусе!

Картошка выпала из рук.

— Всё настолько плохо выгляжу?

— Ты же… — Она перекрестилась. — У тебя вчера соболезнования принимали.

Я почувствовал, как двор тихо накренился.

— Кто принимал?

— Девочка твоя. Варя. Мужчина приходил. В костюме. Сказал, что брат погиб. А я думала, шутит кто-то, пока не увидела фото…

— Какое фото?

— На объявлении. У лифта. Сейчас его сняли.

Я оглянулся на подъезд. Ветер трепал приклеенную к стене бумагу, оставляя белый прямоугольник на грязной краске.

— Тётя Зин. Когда вы это видели?

Она нахмурилась.

— Вчера, милый. Вчера вечером. Ты меня напугал, я пойду домой.

— Подождите. Вы помните меня?

— Пока помню, — прошептала она. — Но мне кажется, я уже не должна.

Она схватила миску и пошла к подъезду так быстро, что один из клубней укатился в лужу.

Я поднял голову к окнам четвёртого этажа. Наше кухонное окно было открыто. За занавеской двигалась фигура.

Варя?

Я набрал её номер. Гудок. Второй.

Никто не ответил.

Лифт оказался исправен. Разумеется, именно в день, когда я меньше всего хотел оказаться в закрытой железной коробке. На четвёртом этаже двери раскрылись. Я вышел в коридор и остановился.

У нашей квартиры стояли две пары обуви.

Одни кроссовки — Варины, с зелёными шнурками. Вторые — мужские ботинки, слишком похожие на мои. Левый носок был сбит. Я вспомнил, что у меня на левом ботинке такая же царапина, и посмотрел вниз.

Она была там.

Дверь квартиры не закрыли до конца.

Я достал из рюкзака ключи. Зачем — понятия не имею. Человеку бывает важно держаться за привычный предмет, пока рушится всё остальное.

— Варя? — позвал я.

Из квартиры донёсся звон чашки.

— На кухне! — крикнула сестра.

Её голос был обычным. Чуть хриплым после сна, раздражённым ровно настолько, насколько вообще могла раздражаться шестнадцатилетняя девчонка, когда старший брат врывался домой без предупреждения.

Я толкнул дверь.

В коридоре пахло свежим хлебом. На вешалке висела моя чёрная куртка.

Я посмотрел на собственную куртку — грязную, порванную на плече, мокрую после вентиляции. Потом на ту, что висела у двери. Она была совершенно целой. На кармане — маленький ожог от сигареты, оставленный год назад незнакомым идиотом на остановке.

Внутри тихо щёлкнуло предупреждение.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО: В ОБЛАСТИ ОБНАРУЖЕНА ДУБЛИРУЮЩАЯ ЗАПИСЬ».

«Совпадение личности: 100 %».

«Происхождение: предыдущая редакция».

Из кухни снова раздался голос Вари:

— Никит, ты долго ещё? Мы тебя ждём.

Мы.

Я заглянул за угол.

Сестра стояла у плиты в моей растянутой футболке, с ложкой в руке. Перед ней на столе было две чашки. А на стуле у окна сидел мужчина.

Он медленно повернулся.

Сначала я увидел знакомую линию скул. Потом нос, сломанный в семнадцать лет во время драки у школьного стадиона. Потом глаза — серые, как у отца.

Это был я.

Не похожий человек. Не брат-близнец, которого мне забыли представить родители. Я сам. С тем же шрамом под подбородком. С тем же крючком на подписи, которую он небрежно выводил ручкой на листе бумаги.

На нём был чёрный костюм, а на запястье — пластиковый браслет из морга.

Он выглядел уставшим.

И совсем не удивился, увидев меня.

— Опоздал, — сказал он. — Я надеялся, что в этот раз ты хотя бы сначала выслушаешь.

Варя смотрела то на него, то на меня. На её лице был тот ужас, который невозможно сыграть или перепутать с недоумением.

— Никит? — прошептала она. — Который из вас…

Я не успел ответить.

Перед глазами вспыхнуло новое окно. Не янтарное, как прежние, а чёрное, с узкой красной рамкой.

«ДЕЛО № 000001».

«ОБНАРУЖЕНЫ ДВА ДЕЙСТВУЮЩИХ ЭКЗЕМПЛЯРА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА».

«Допустимое количество: 1».

«Один из экземпляров будет исключён».

«ПРАВО ВЫБОРА ПЕРЕДАНО БЛИЖАЙШЕМУ РОДСТВЕННИКУ».

Внизу загорелось имя:

«Горина Варвара Андреевна».

И таймер.

«00:00:59».

Мужчина у окна посмотрел на сестру, потом снова на меня. В его глазах стояли слёзы, и это испугало меня сильнее, чем весь сегодняшний ужас.

— Прости, — сказал он. — В прошлый раз она выбрала тебя.

«00:00:58».

Варя сделала шаг назад.

«00:00:57».

А я понял, что самое страшное решение в моей жизни только что переложили на человека, которого я поклялся защищать.

Глава 2
Кто из нас лишний



«00:00:56».

Я всегда считал, что самую неприятную вещь в своей жизни увижу в зеркале после корпоративного Нового года. Ошибался. Самая неприятная вещь сидела за нашим кухонным столом, пила мой чай и носила моё лицо так естественно, будто взяла его в прокате и забыла вернуть.

«00:00:55».

— Не двигайся, — сказал я ему.

— Было бы неплохо уточнить, к кому обращаешься, — отозвался мужчина в чёрном костюме.

Он говорил моим голосом. Только без привычной спешки, с какой я произносил слова, пытаясь успеть пошутить раньше, чем станет страшно.

— К тому, кто сидит на моём стуле.

— Тогда тебе придётся быть конкретнее. Я купил его в «Домовом» четыре года назад.

Действительно купил. Сам собирал, промучился два часа, а потом обнаружил лишний винт. С тех пор стул поскрипывал в момент, когда человек собирался сказать неправду.

Сейчас он молчал.

«00:00:49».

Варя опустила ложку на стол. Медленно, как человек, которому нужно сохранить хоть одно действие, поддающееся контролю.

— Объясните, — сказала она. — Только не одновременно.

Чёрный костюм открыл рот.

— Нет, — отрезала сестра и указала на меня. — Сначала тот, кто в куртке. Он хотя бы выглядит так, словно с ним что-то произошло.

— Со мной произошло всё, — сказал двойник.

— Тебе слова не давали.

Чем бы это ни кончилось, я решил: если сегодня у меня отберут право жить, сестра отберёт у кого-нибудь право говорить.

«00:00:43».

В центре кухни мерцала чёрная рамка. На стеклянной дверце духовки отражался я, Варя и человек у окна. Но в отражении над его головой горела ещё одна цифра, едва заметная: «–1».

— Варя, — сказал я. — Слушай внимательно. Сейчас от тебя требуют выбрать, какой из нас останется. Ничего не выбирай. Не называй имён. Ни в какой последовательности.

Сестра перевела взгляд на стул у окна.

— Он сказал то же самое. Только добавил, что я должна выбрать его.

— Я такого не говорил, — возразил двойник.

Стул скрипнул.

Варя посмотрела на него.

— Серьёзно? Даже мебель тебя сдаёт.

«00:00:36».

Чёрный костюм встал. Я дёрнулся, закрывая Варю собой,

и раненое плечо отозвалось такой болью, что на секунду потемнело в глазах.

Он заметил бинт. На его лице мелькнуло что-то большее, чем удивление. Узнавание.

— Левое плечо, — произнёс он. — Значит, в этот раз ты успел отодвинуться.

— От чего?

— Не сейчас. Ты должен оспорить передачу выбора.

— Думаешь, я не пытаюсь?

Я мысленно потребовал возражение. Окно сменилось, поверх таймера появилась строка:

«ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОСПАРИВАНИЯ?»

— Нельзя отдавать решение о жизни двух людей ребёнку.

«Довод эмоционального характера. Отклонён».

Я бы поспорил о качестве человеческого обслуживания, но времени оставалось двадцать восемь секунд.

— Варя, сколько тебе лет?

— Ты с ума сошёл?

— Да. Это ты сможешь обсудить с врачом. Возраст!

— Шестнадцать.

— Документы. Где паспорт?

— В ящике у холодильника. Там, где ты хранишь гарантийные талоны на технику, которую давно выбросил.

«00:00:24».

Я выдвинул ящик. Оттуда посыпались батарейки, чек из химчистки и пакетик с неизвестными винтами. Кем бы ни

был этот второй Никита, кухонным хозяйством он занимался совершенно как я.

Паспорт лежал под инструкцией к микроволновке.

Двойник резко шагнул ко мне.

— Не открывай страницу с фотографией!

— Почему?

— Открой двадцатую!

Я развернул документ. На двадцатой странице не было ничего, кроме следа от когда-то пролитого кофе. Между листами торчала сложенная вчетверо бумага.

Копия свидетельства о рождении. Варя вложила её ещё летом, когда подавала документы в музыкальное училище.

— Из двух ведомств, — выдохнул двойник. — Вот почему. В прошлый раз ты предъявил только паспорт.

«00:00:15».

Я разложил документы рядом. Официальный паспорт с её фотографией и датой рождения — девятнадцатое июля две тысячи десятого года. И свидетельство, оформленное задолго до появления современного реестра, с круглой синей печатью и подписью женщины, которая когда-то честно работала в загсе.

— Возражение, — сказал я. — Право окончательного выбора передано лицу шестнадцати лет. Получатель не обладает полной дееспособностью и не назначен уполномоченным представителем. Основания — два независимых документа, выданных разными службами. Решение, принятое на

этой основе, не может быть исполнено.

«00:00:09».

Двойник сжал пальцы. Варя стояла неподвижно.

«ПРОВЕРКА ДЕЕСПОСОБНОСТИ».

«00:00:06».

— Назови ещё, — прошептал двойник. — Не только то, что она несовершеннолетняя.

Я не понял.

— Говори!

— А если она вообще не давала согласия принимать выбор? — выкрикнул я. — Где её подпись о принятии полномочий?

«00:00:03».

На стекле духовки вспыхнуло новое сообщение.

«ПОЛУЧАТЕЛЬ НЕ ПОДТВЕРДИЛ СОГЛАСИЕ».

«00:00:01».

Таймер исчез.

Ничего не произошло.

Впервые за сегодняшний день я ощутил почти неуместное счастье от того, что ничего не произошло.

Потом воздух над кухонным столом с хрустом сложился в квадрат. Посуда подпрыгнула. Из крана ударила холодная вода, хотя вентиль был закрыт. А мои часы, висевшие на стене, остановились на трёх семнадцати.

«ВОЗРАЖЕНИЕ УДОВЛЕТВОРЕНО ЧАСТИЧНО».

«Передача права выбора признана процедурно несостоя-

тельной».

«Установлено временное совместное существование двух экземпляров до повторного рассмотрения».

«Дата рассмотрения: 12 ноября, 03:17».

«Условие: до решения оба экземпляра признаются одним юридическим субъектом».

«Действия, обязательства и нарушения любого экземпляра вменяются обоим».

«РЕЖИМ НАДЗОРА: АКТИВИРОВАН».

Из крана перестала течь вода. Часы снова пошли. Я посмотрел на настенные стрелки: было десять минут одиннадцатого.

— Поздравляю, — сказал двойник. — Мы живы.

— Восемнадцать часов, — уточнил я.

— В данном случае это необычайная щедрость.

Варя села на табуретку, не глядя на нас. Взяла стакан и осторожно поставила перед собой. Он дребезжал от того, как тряслись её руки.

Я шагнул к ней.

— Варюш…

— Не трогай меня, — сказала она.

Я остановился.

Сестра посмотрела на обоих.

— Вы сейчас рассуждали о моей дееспособности, будто я неисправный принтер. Один уже успел объяснить, что от моего решения зависит его жизнь, другой кричал, чтобы я мол-

чала. Давайте договоримся. Если кто-нибудь ещё раз решит за меня, как меня спасать, я лично выберу окно. Четвёртый этаж не слишком высоко для красивого ухода от разговора.

— Не шути так, — сказал я.

— А кто меня научил?

Я не нашёл ответа.

Двойник тихо отодвинул стул. На его запястье шуршал белый больничный браслет. На нём было напечатано: «ГОРИН Н. А. ПРИЁМ: 10.11. ВЫДАЧА: 11.11». Там, где полагалось написать отделение, стояло «НЕ УСТАНОВЛЕНО».

— Я не требовал от тебя решения, — сказал он Варе.

— Ты сказал, что если я выберу не тебя, он умрёт. Это требование. Просто в красивой упаковке.

Он отвёл глаза.

— Справедливо.

Сестра медленно выдохнула.

— И вот ещё что. Один из вас может оказаться чудовищем, другой — идиотом. Я пока не решила, кто из вас кто. Поэтому правила одинаковые. Никто не трогает мои вещи. Никто не закрывает меня дома. Никто не исчезает без предупреждения. Если есть секрет, который касается меня, — говорите при мне.

— Ты не понимаешь, во что вмешиваешься, — сказал двойник.

— Конечно, не понимаю. Я утром думала, что самое страшное сегодня — контрольная по химии. Теперь у меня

два брата и оба считают себя умнее. Поверь, химия была гуманнее.

У него дрогнули губы. У меня тоже.

Это выглядело как самое мерзкое соревнование по улыбкам, которое мне приходилось видеть.

— Ладно, — произнёс я. — Один вопрос. Кто ты?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Ты. Которому не дали забыть.

— Очень содержательно. Премию за самую неприятную автобиографию можно забрать у выхода.

— В своей версии я тоже получал счета, Никит. И находил шапку. И пытался доказать, что нельзя вычёркивать ребёнка только потому, что кто-то потерял на него строку в ведомости.

Я непроизвольно посмотрел на рюкзак у двери. Он лежал там, куда я его бросил, и боковой карман с красным помпоном был закрыт.

— Ты знаешь про Федю?

— Знаю.

— Я никому здесь не говорил.

— Мне не нужно, чтобы ты говорил.

— Тогда расскажи, чем кончилась твоя версия.

Он долго молчал.

— Плохо.

Варя резко встала.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Она взяла со стола мой паспорт, его паспорт — невесть откуда у него взявшийся — и внимательно сравнила обложки.

— Пока мы выясняем, — сказала она, — оба будете отзываться на «Никита». Но ты, — она указала на двойника, — получаешь прозвище Костюм.

— Я не возражаю.

— А ты, — указала на меня, — Бинт.

— Ужасный выбор. Я рассчитывал на что-то героическое.

— Проживи день, тогда обсудим.

Справедливо. Я едва прожил утро.

И впервые понял, что у меня действительно может оказаться слишком мало времени, чтобы научиться слушать собственную сестру.

. . .

Фотография лежала на подоконнике.

Обычная глянцевая карточка десять на пятнадцать: промокшая набережная, река, старый мост с полуразрушенной аркой. Наш отец стоял у парапета, держа на плечах мальчишку лет восьми. Я знал, что мальчишка — я. Знал, потому что был там, и одновременно не помнил этого, как не помнят собственное рождение.

С лицом на фотографии случилось что-то хуже белого

пятна.

Его не было вовсе.

Не размазали краску, не выцарапали изображение. Волосы, уши, шея и воротник куртки оставались на месте, а там, где должно было быть лицо, в ясный день виднелся противоположный берег. Сквозь ребёнка просматривались фонари и мокрые деревья, будто фотоаппарат заранее решил, что с моей головой можно не возиться.

— Когда ты позвонил, лицо было белым, — сказала Варя. — Потом я моргнула. И увидела реку. Хотела тебе сказать, а связь оборвалась.

Я перевернул снимок.

На обороте отцовским почерком стояло: «Май. Хороший день». Чуть ниже мама дописала: «Не забудь забрать негативы».

От слова «мама» внутри что-то кольнуло. Она умерла четыре года назад от обыкновенной болезни. Никакой системы, никакого счёта, никакого уведомления. Скорая опоздала на двадцать минут, врач плакал от бессилия, а я целый год просыпался по ночам от телефонного звонка, которого не было. На фоне сегодняшнего утра та смерть вдруг показалась единственной честной вещью, случившейся с нашей семьёй. И от этой мысли стало стыдно.

Варя провела пальцем по маминой надписи.

— Я нашла это в коробке с новогодними гирляндами. Костюм сказал, что ты потеряешь одно воспоминание. Откуда

он знал?

Двойник смотрел на снимок с такой ненавистью, что мне захотелось спрятать его от нас обоих.

— Я уже видел, что бывает, когда выбирают воспоминание вместо жизни.

— Не философствуй, — сказала Варя. — Ты видел именно эту фотографию?

— Да.

— Тогда скажи, что там было, пока у Бинта не исчезло лицо.

Он прикрыл глаза.

— Отец держит нас у воды. На нём старая серая куртка, у которой молния заедала на животе. У тебя в руке бумажный стаканчик с яблочным соком. Ты вылил половину ему за воротник, потому что увидел на другом берегу лодку и начал махать. Он спросил: «Ты хоть знаешь, на каком мы берегу?» А ты ответил: «На нашем».

— Это можно придумать, — сказал я.

— Можно. — Двойник открыл глаза. — Поэтому переверни фотографию ещё раз.

— Я уже переворачивал.

— Сними картон с рамки. Из-под него торчит край старого билета. Отец спрятал его там, потому что в тот день очень боялся потерять.

Никакой рамки не было, только жёсткий бумажный конверт, в котором Варя и обнаружила снимок. Я разорвал его

вдоль шва. Между слоями картона действительно прилип маленький прямоугольник плотной бумаги.

Метробилет, синий, с давным-давно отменённым логотипом. На лицевой стороне дырокол оставил две круглые отметки. На обороте карандашом было выведено: «Если помнишь только один берег, пересчитай мосты».

Я почувствовал, как пальцы похолодели.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что я его уже находил.

— Когда?

— Позже, чем надо.

Варя забрала билет прежде, чем он успел протянуть руку.

— Так, — сказала она. — На сегодня всё. Билет у меня.

— Варя, — начал двойник.

— Мне шестнадцать, а не шесть. Разницу ты только что использовал, чтобы остаться живым. Будь последователен.

Он отступил.

Я смотрел на билет. На другой стороне бумаги, когда она повернула его к свету, проступал едва заметный штамп: «П/0». Не название станции — лишь буква и цифра. Но я вспомнил, как Тамара произносила слово «Последняя», будто за ним начинался коридор без выхода.

На краю фотографии загорелась тонкая янтарная линия.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО: ОБНАРУЖЕНА ПРАВКА В ПРЕДМЕТЕ».

«Время изменения: сегодня, 09:58».

Я сосредоточился на снимке. Картинка дрогнула. На долю секунды у мальчика появилось лицо — моё, смеющееся, в каплях сока. Затем поверх него легла другая фотография. Тот же берег, тот же отец, но мальчик стоял рядом, а на его плечах сидела маленькая девочка в красной куртке.

Варя.

Она была там, где при нашей разнице в возрасте никак не могла оказаться восьмилетняя версия меня и четырёхлетняя она: в тот май ей ещё не исполнилось четырёх, а мне уже было пятнадцать, когда отец исчез. На миг в одном снимке столкнулись годы, которые не могли быть одним днём.

Изображение погасло.

— Что ты видишь? — спросила Варя.

Я попытался объяснить. Чем дальше говорил, тем яснее становилось: на фотографии не просто исчезло лицо. Её исправляли, чтобы заставить разные воспоминания соответствовать одному снимку.

— Система не придумывает прошлое, — сказал я. — Она выбирает, какое оставить.

Костюм не ответил. Он следил за конвертом в Вариных руках, и мне это не понравилось.

Скрипнул стул. Но на этот раз никто на нём не сидел.

— Кто-то идёт, — сказала Варя.

Я прислушался. За входной дверью звякнули ключи. Соседка из сорок шестой квартиры, должно быть, возвращалась из магазина. Потом звук оборвался.

Из коридора донеслось чужое, почти ласковое:

— Квартира сорок семь. Просьба подготовить документы на всех проживающих.

Я заглянул в глазок.

На площадке стояла женщина лет сорока в светлом плаще. В руках — пластиковая папка, на груди — аккуратная табличка «Городская служба сверки». Ничего необычного, кроме того, что соседка с пакетами застыла возле лифта, а её ключи висели над ладонью, не падая.

Не время остановилось. Из времени просто исключили остальных.

— Кто там? — спросил я.

— Выездной контролёр, — ответила женщина. — Установлено нарушение режима совместного существования. Прошу не препятствовать осмотру.

— Осмотру чего?

— Того, чего здесь быть не должно.

Чёрный костюм взял фотографию с подоконника и быстро убрал в карман.

— Нельзя, чтобы она увидела оригинал, — произнёс он.

Варя протянула руку.

— Положи назад.

— Потом.

— Сейчас.

Они встретились взглядами. Мне показалось, что Костюм готов сделать что-то очень нехорошее. Но он вынул фотогра-

фию и вернул ей.

— Ты понятия не имеешь, от чего я пытаюсь тебя защитить, — сказал он.

— Зато я точно знаю, от кого приходится защищать фотографию.

Женщина за дверью не повышала голос:

— Вы можете отказаться от проверки. В таком случае будет применена презумпция отсутствия подтверждённых жильцов.

— Что это значит? — спросил я.

— После отказа квартира считается пустой. Последствия для находящихся внутри объектов наступают автоматически.

Я оглядел привычную прихожую: старый коврик, ведро под протекающей трубой, фотография мамы над тумбочкой. Система могла объявить всё это пустым. И, насколько я успел выяснить, делала это с удовольствием.

— А если согласимся?

— Установим, какой экземпляр является допустимым. Второй будет списан без дальнейшего участия родственника.

Костюм показал мне три пальца, потом два, потом один. Я не понял, что он отсчитывает, но, судя по выражению лица, оставалось не так много.

Варя присела, вытянула из-под обувной полки футляр скрипки.

— Это ещё зачем? — прошептал я.

— Репетировать. У меня же нет уважительной причины прогулять музыкалку.

Она щёлкнула застёжками, достала инструмент, проверила смычок и поставила футляр вертикально у двери. В кармане футляра лежала маленькая серебристая штука — механический метроном, который наш отец когда-то починил из двух чужих. Варя давно предпочитала приложение, но метроном не выбросила. Не ради звука. Из принципа: вещь, пережившая отца, заслуживала места в доме.

— Зачем тебе метроном? — спросил Костюм.

— Чтобы знать, когда вы врёте, — ответила она.

И поставила рычажок на шестьдесят ударов.

Тик. Так. Тик.

За дверью женщина вздохнула.

— Последнее предложение добровольного содействия.

Я включил «Свидетельство» и направил взгляд на папку, которая просвечивала сквозь матовое стекло двери. Янтарные строчки упёрлись в преграду, распались. На предметы за дверью функция не распространялась: я должен был видеть их непосредственно.

Костюм заметил, как я морщусь.

— Первый допуск?

— У меня сегодня была насыщенная программа повышения квалификации.

— Значит, дальше двадцати четырёх часов не видишь. И чужие акты закрыты.

— А ты видишь?

Он не ответил. Вместо этого снял с руки браслет морга. На внутренней стороне виднелась синяя полоса чернил.

— Что-то происходит с коридором, — сказал он.

Из-за двери исчез металлический звук ключей. Затем мы услышали, как по лестнице, начиная с верхнего этажа, последовательно захлопываются все двери. Не те, в которых жили люди. Двери на планах этажей — с одинаковым сухим ударом. Дом словно перечитывал сам себя.

Варя подняла смычок. Первый звук получился резким. Она поморщилась, но не прекратила. Прозвучала короткая гамма, потом другая — ровная, настойчивая. Метроном продолжал стучать. Теперь в паузах между ударами я слышал ещё один звук: скрип ручки, которой кто-то за дверью быстро заполнял форму.

«УВЕДОМЛЕНИЕ. НАЧАТА ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ПОЛНОМОЧИЙ».

«Основание: вновь установленные сведения о возрасте законного представителя».

Мне стало холодно.

— Варя, убери скрипку. Достань паспорт.

— Зачем?

— Они пытаются исправить то, на чём мы выиграли отсрочку.

Она опустила инструмент, достала паспорт из кармана моей куртки, куда я сунул его после спора. На фотографии сто-

яла моя сестра с серьёзным лицом и нелепо гладко зачёсанными волосами. Дата рождения — девятнадцатое июля две тысячи восьмого года.

Я отшатнулся.

— Там две тысячи десятый было, — сказал я.

— Я знаю, — ответила Варя.

Метроном пропустил удар.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО: ИЗМЕНЕНИЕ ДОКУМЕНТА В ТЕКУЩЕЙ РЕДАКЦИИ».

«До правки: 19.07.2010».

«После правки: 19.07.2008».

«Источник исправления: выездной контролёр. Подтверждение отсутствует».

— Что они делают? — спросила Варя.

— Достраивают тебе восемнадцать, — сказал Костюм. — Тогда можно снова передать выбор.

— Вот это забота о молодёжи. Другие городские службы даже скидку на проезд не дают.

Варя попыталась усмехнуться, но у неё не получилось. Она посмотрела на собственные ладони, будто проверяла, не стали ли они больше.

— Я всё ещё шестнадцатилетняя?

— Да, — сказал я.

— Но там уже нет.

За дверью зашуршало. Женщина опустила под порог листок.

«УТОЧНЕНИЕ К ДЕЛУ № 000001. Горина Варвара Андреевна, 18 лет, уполномоченный представитель. Право выбора восстановлено. Срок добровольного ответа — 120 секунд».

На нижней половине листа были две пустые строки.

Горин Н. А. — редакция действующая.

Горин Н. А. — редакция предыдущая.

Я почувствовал, как засосало под ложечкой. Реестр делал не исключение из правила. Он перестраивал жизнь человека, чтобы правило перестало мешать.

— Дай свидетельство о рождении, — сказал я.

Варя вынула его из паспорта. На нём по-прежнему стоял две тысячи десятый год. Края бумаги слегка пожелтели, печать была настоящая, с крошечным размытым пятном у буквы «З».

— Есть противоречие, — сказал я. — Но нужна формулировка.

— Не такая, как ты думаешь, — сказал Костюм. — Если докажешь, что она шестнадцатилетняя, они просто изменят свидетельство. Нужен момент передачи права.

— Переведи с канцелярского на человеческий.

— Когда право выбора передавали, ей было шестнадцать. Это зафиксировано в нашем первом решении. Изменение биографии после подачи возражения не делает исходное назначение законным. Ты должен оспорить не возраст, а обратную силу правки.

Я задумался. Система в своём первом ответе уже признала нарушение, даже если сейчас пыталась его стереть. Но чем доказать, что решение существовало? На телефон его не снять. Скриншоты показывали только утверждённое.

— У меня нет копии постановления, — сказал я.

— Есть, — ответила Варя.

Мы одновременно повернулись к ней.

Она смотрела на метроном.

— Я записывала для преподавательницы, как держу темп. На диктофон, ещё до того как вы появились. Когда начался обратный отсчёт, я не выключила запись. Возможно, там есть твой голос и всё, что ты говорил.

— Цифры на экране она не докажет, — сказал Костюм.

— Зато докажет, что я не соглашалась, — отрезала Варя. — И что мне шестнадцать. Вы оба сами это сказали.

— Запись цифровая, — сказал я. — Они могут её переписать.

— А вот это — нет.

Она вынула из футляра узкую кассетную плёнку, запечатанную в прозрачный чехол. Я в изумлении узнал старый диктофон мамы — плоскую прямоугольную коробочку с ободранной кнопкой «REC». Мы думали, он давно не работает.

— Нашла летом, — сказала Варя. — Записываю на него то, что хочу слушать без телефона. Пару раз — твои угрозы насчёт немытой посуды.

— Это грубое нарушение моей личной жизни.

— Подай жалобу. Ты уже умеешь.

Она нажала кнопку воспроизведения. Из крошечного динамика посыпались помехи, затем мой собственный голос: «Варя, сколько тебе лет?» — и её: «Шестнадцать». Потом грохот выдвинутого ящика и хриплое «Назови ещё» двойника.

Контролёр услышала. За дверью перестали писать.

— На записи есть выдвижение первоначального возражения, — сказал я. — Это вещественное свидетельство о том, каким был возраст в момент передачи права. Исправление, внесённое позже, не может задним числом устранить выявленное нарушение. Требую признать повторную передачу незаконной.

«ПРОВЕРКА ВРЕМЕНИ ВНЕСЕНИЯ ИСПРАВЛЕНИЯ».

Папка за дверью с сухим хлопком закрылась.

«Противоречие подтверждено».

«Изменение биографических данных не распространяется на уже совершённую процедуру».

«Право выбора: не подлежит восстановлению до слушания».

«НАЛОЖЕН ЗАПРЕТ НА РЕТРОАКТИВНОЕ УТОЧНЕНИЕ ДЕЕСПОСОБНОСТИ».

Дата в паспорте дрогнула, сделалась серой и вернулась к две тысячи десятому году. Метроном снова застучал без про-

пусков.

Снаружи раздался звук, похожий на треск тонкого льда.

— За это, — сказал Костюм едва слышно, — тебя запомнят.

— Меня сегодня уже похоронили, — ответил я. — Пусть встанут в очередь.

Контролёр за дверью тихо засмеялась.

— Поздравляю с успешной жалобой, гражданин Горин. Временное решение сохранено. Но режим надзора предусматривает осмотр вещественных доказательств. Пожалуйста, передайте билет с отметкой «П/0» и фотографию без лица.

Варя прижала руку к карману.

Откуда контролёр знала про билет, спрятанный в картоне двадцать лет назад?

Костюм побледнел. Он выглядел так, словно снова оказался в знакомом месте за мгновение до аварии.

— Не отдавай, — сказал он.

— Почему? — спросила Варя.

Он ответил без паузы:

— Потому что после этого она спросит, где лежит тело нашего отца.

На этот раз стул скрипнул сам, хотя никто к нему не прикасался.

. . .



— Ты только что сказал «тело», — произнёс я.
Костюм посмотрел на дверь.
— Сказал.
— Папа пропал без вести.
— Это было написано в твоих бумагах.
— А что было написано в твоих?
Он опустил голову.
— Что бумаги о его смерти мы составили сами.

В коридоре что-то ударилось о стену. Соседка с пакетами наконец уронила ключи, но звука не последовало. За дверью продолжала стоять женщина, которая могла исправить год рождения сестры, словно опечатку в бухгалтерии.

— Ты врёшь, — сказал я.

— Возможно, — ответил Костюм. — Но не сейчас.

Я подошёл ближе. У двойника были мои ресницы, мои руки, сбитый нос, тот самый шрам под подбородком. Я хотел ударить его. Не за слова об отце, а за то, что не мог определить, где у него начинается ложь.

— Если знаешь, где папа, говори.

— Я знаю место, где его искали. Это не одно и то же.

— Значит, говори место.

— «Последняя».

Мне на секунду показалось, что кто-то ударил по больному плечу. Тамара называла то же слово.

— Откуда знаешь про станцию?

Костюм уставился на меня.

— Кто тебе о ней сказал?

— Тамара.

Он сжал челюсти.

— Значит, она ещё жива.

Слова прозвучали не как вопрос и не как облегчение. Как человек, который давно ждал плохого известия, неожиданно услышал хорошее и не решил, имеет ли право ему верить.

— Была жива час назад, — сказал я. — А теперь, если ты

не против, мы спасём Варю от городской службы, которая хочет похитить семейный фотоальбом.

— Она не хочет похитить альбом. Ей нужен адрес, который спрятан в снимке. Мы не должны оставаться в квартире.

— Из-за неё?

— Из-за того, кто придёт после неё.

Варя шагнула между нами.

— Стоп. Если мы уходим, я забираю скрипку и документы. И никто не трогает билет без моего разрешения. Это первое.

Она подняла два пальца.

— Второе. Вы перестаёте обмениваться страшными намёками и называете факты. Что такое «Последняя»?

— Станция, которой нет, — ответил я.

— Прекрасно. Значит, будем искать то, чего нет. А третье: мы не расходимся, пока не поймём, что это даст каждому. Я не хочу оказаться в чужом плане, о котором узнают после похорон.

Костюм долго смотрел на неё.

— Ты изменилась.

— За последние сорок минут? Конечно. Я ведь постарела на два года и обратно.

— Не за сорок минут, — сказал он.

Затем вынул из внутреннего кармана чёрного пиджака сложенный лист. Бумага была слишком плотной для обычного принтера, с рваными краями, будто её оторвали от боль-

шого формуляра.

— Это протокол, — сказал он. — Приказы на эту квартиру оформляют по нему. Я хотел найти оригинал раньше выездного контролёра. Если он попадёт к ним, нас запрут здесь до рассвета. Если у нас — будет доказательство того, что слушание назначили до того, как мы подали жалобу.

Я взял бумагу. В верхнем углу стояло: «ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ. ДЕЛО № 000001». Ниже был проставлен вчерашний день — десятое ноября — и время 23:58.

Вчера в 23:58, когда я ел с сестрой холодную гречку, кто-то уже назначил слушание по двум экземплярам Никиты Горина. Двум экземплярам, о которых я узнал лишь несколько минут назад.

— Чёрт, — выдохнул я.

— Не самое юридическое замечание, — сказал Костюм.

Я открыл «Свидетельство». Янтарная линия прошла по бумаге и показала, как на ней за последние двадцать четыре часа менялась одна строка. Сначала было написано «Слушание назначено по причине расхождения редакций». Затем строку стёрли и заменили: «Слушание назначено по добровольному возражению субъекта».

Они заранее знали, что я буду возражать. Или кто-то подготовил документ так, чтобы любое моё действие выглядело предусмотренным порядком.

Я поднял глаза.

— Где ты это взял?

— В морге.

— Ты очнулся в морге?

— Не совсем.

— Где же?

Костюм в первый раз не нашёл быстрой отговорки.

— На столе, где меня должны были окончательно оформить.

Варя стиснула футляр скрипки.

— Мы уходим, — сказала она. — И хватит уже. Я не хочу узнавать, сколько ещё у нас родственников может влезть в одну квитанцию.

Звук за дверью изменился. Контролёр больше не заполняла документы. Она медленно проворачивала в замке ключ, которого у неё не было.

— Осмотр будет произведён принудительно, — сообщила она.

Рядом с нашей дверной ручкой изнутри проступил отпечаток гладкой белой ладони.

На ладони было написано одно слово: «ДОПУСК».

Костюм схватил меня за здоровую руку.

— Когда она войдёт, не пытайся ударить. Она не исполнитель. Она оформляет право на исполнение. Пока не закончила акт, можно выиграть время.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Я уже пробовал её бить.

Варя оглянулась на нас и приподняла футляр.

— Сразу предупреждаю: если вам понадобится оружие, скрипкой не бить. Она дороже любого из вас.

— Кто бы сомневался, — выдохнул я.

Замок щёлкнул.

Дверь открылась ровно настолько, чтобы в щели появилось лицо контролёра. С близкого расстояния женщина выглядела почти доброй: тонкие морщинки у глаз, след от помады на верхней губе, медная цепочка на шее. Только взгляд у неё был как у человека, который не смотрит на собеседника, потому что уже знает окончательное решение.

— Доброе утро. Извините за задержку.

— Не извиняйтесь, — сказал я. — У нас дома две смерти в очереди. Одной задержкой больше, одной меньше.

Она переступила порог, и на полу под её туфлей проступил белый прямоугольник.

«АКТ ДОПУСКА К ВЕЩЕСТВЕННОМУ ОСМОТРУ».

«Заявитель: Городская служба сверки».

«Владелец объекта: Горин Никита Андреевич».

«Предмет осмотра: исходные носители, подтверждающие альтернативную редакцию».

«Последствие непредъявления: признание имущества неучтённым».

У входа коридор вдруг вытянулся. Тумбочка у двери отдалилась на несколько метров, будто в квартире построили отдельный административный корпус. Из-за неё виднелись

ещё три двери — одинаковые, серые, с номерами сорок семь. Я узнал нашу облезлую штукатурку на каждой. Похоже, дому очень хотелось иметь запасные выходы в собственные версии.

Варя отступила к комнате. Контролёр подняла папку.

— Оригинал фотографии и проездной документ. Добровольная выдача позволит сохранить прежний режим до слушания.

— А если не выдадим? — спросила Варя.

— Тогда осмотр будет расширен до личных вещей и памяти непосредственных свидетелей.

Я почувствовал холодную ярость. Мою память уже раз опустошили. Теперь они решили прийти за сестриной.

— Даже не думайте, — сказал я.

Женщина посмотрела на бинт.

— Вы уже воспользовались льготой на один случай исключения. Не рекомендую злоупотреблять ею.

— Это был ребёнок.

— В обращении значится объект.

— Можете вписать в обращение слово «ребёнок». Это бесплатно.

— Исправления по инициативе заявителя тарифицируются отдельно.

Её рука двинулась к Варе. На ладони была не печать «ОТМЕНЕНО», как у серых исполнителей, а гладкий знак двух соединённых кругов. Один круг был красным, другой пу-

стым.

— Передайте фотографию, — сказала она.

Варя шагнула вперёд и выставила конверт.

Я хотел остановить её, но заметил: из конверта торчит белый край, а не желтоватая бумага старого снимка.

Варя обвела женщину взглядом, полным такой вежливости, какую обычно приберегала для преподавателей, способных испортить ей итоговую оценку.

— Конечно. Вот фотография. Распишитесь в получении.

Контролёр замерла.

— Подпись не требуется.

— Тогда не отдам. Мой брат работает в бюро потерянных вещей. Он учил меня: если отдаёшь что-то сотруднику, должен остаться акт. Иначе через неделю выяснится, что ты подарила это государству из любви к отечеству.

Я не помнил, когда говорил ей такое. Но ужасно гордился, если говорил.

Женщина достала из папки небольшой бланк.

— Допустим. Подпись лица, осуществляющего выдачу.

— Нет, — сказала Варя. — Вы расписываетесь, что приняли вещь. Я не подписываю ничего.

Контролёр подняла глаза. За ними будто поочерёдно включились два маленьких экрана.

— Вы осложняете процедуру.

— Я учусь у лучших.

Она поставила знак двух кругов на акт и протянула бума-

гу. В этот миг Костюм ударил ладонью по дверце шкафа в прихожей.

Зеркало на дверце рассыпалось.

Нет, оно не разбилось. Отражение контролёра вывалилось из него прямо на пол, как лист бумаги, и мгновенно превратилось в ту самую белую прямоугольную форму. Женщина вздрогнула и повернулась к своему отражению.

Я увидел на мгновение её лицо другим: старше на много лет, с маленьким шрамом над губой, в каком-то больничном свете. Потом оно вернулось к прежнему.

— Вы знали, что зеркало не совпадает? — спросила она Костюма.

— Надеялся.

— Это вмешательство в процедуру.

— Тогда составьте акт, — сказал он.

Он бросился к двери и выскочил на площадку. Контролёр резко повернулась за ним. Я увидел, как из её ладони вытянулась красная нить, тонкая, почти невидимая. Она зацепила его запястье.

Костюм закричал.

Он не упал. Просто часть его левой руки исчезла до локтя, оставив вместо неё дрожащее пространство, через которое была видна стена. В тот же миг моя левая кисть онемела. Я попытался пошевелить пальцами и понял, что не чувствую их совсем.

«ВНИМАНИЕ. СОЛИДАРНОЕ ВМЕНЕНИЕ ПОСЛЕД-

СТВИЙ».

«Утрата экземпляра предыдущей редакции может повлечь утрату действующего экземпляра».

Теперь я понял, почему он не хотел, чтобы её впускали. И почему всё-таки вышел первым.

— Варя! — крикнул я. — Назад!

Она не отступила. Бросила мне конверт, в котором вместо фотографии оказался рекламный буклет музыкальной школы, а сама схватила лист с подписью контролёра.

— Вы же только что подтвердили приём, — сказала она с чудовищным спокойствием. — А вещь всё ещё у меня. Значит, акт составлен на то, чего вы не получили.

Контролёр растерянно моргнула.

На бумаге стояло: «Вещественное доказательство — фотография семейная, оригинал. Принято на хранение». Непосредственно под этим — отпечаток двух кругов.

— Ошибка в акте, — сказала Варя. — С чего вы начали осмотр? С фальшивой подписи?

Я подхватил её мысль.

— Возражение по акту осмотра. Удостоверено получение предмета, фактически не переданного. Одновременно производится фактическое исключение участника дела до назначенного слушания. Контролёр сама создала противоречие и нарушила порядок исполнения временного решения.

«ПРОВЕРКА ПРАВОМОЧНОСТИ КОНТРОЛЁРА».

Красная нить дёрнулась. Исчезнувшая рука Костюма про-

ступила обратно не сразу, а по частям, словно кто-то возвращал неправильно отправленную посылку. В моих пальцах закололо, и я едва не вскрикнул от облегчения.

Женщина попыталась убрать бланк в папку, но бумага прилипла к Вариным пальцам. Печать разогрелась, на ней появилось третье кольцо — чёрное.

«ПОДТВЕРЖДЕНО: УДОСТОВЕРЕНИЕ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ПЕРЕДАЧИ».

«Полномочие на принудительный осмотр временно приостановлено».

«Материалы переданы на проверку до 12.11, 03:17».

Женщина широко открыла рот. Но вместо слов из него посыпались маленькие белые квитанции. На каждой было написано одно и то же: «ПОЛУЧЕНО».

Она сделала шаг назад. Её плащ потянулся к стене, как мокрый лист бумаги к стеклу. На секунду я увидел в коридоре все три двери сорок семь, и за каждой стояла та же женщина — с одинаковым выражением неприязни.

Потом коридор схлопнулся до обычных размеров. Осколки зеркала оказались там, где должны были быть. У входа остались только старые ботинки и красное пятно от печати на линолеуме.

Контролёр исчезла. Не умерла, не рассыпалась в прах. Её отозвали — и что-то подсказывало, что она составит жалобу на нас ещё до обеда.

Костюм стоял возле лифта, прижимая восстановленную

руку к груди. По его лицу стекал пот. Варя опустилась на корточки у дверного косяка.

Я проверил онемевшую кисть, осторожно сжал кулак и разжал.

— Вот теперь, — сказал я, — мне очень хочется написать хорошее письмо в вашу службу качества.

Костюм прислонился к стене и посмотрел на меня.

— Ты не заметил? Она не просила твою подпись. Ей нужна была Вариная.

— Заметил.

— В этот раз она не получила.

— В этот раз? — переспросил я.

Он не ответил.

Я посмотрел на сестру. Та сжимала бланк, на котором контролёр самоуверенно подтвердила получение несуществующего предмета.

— Ты подменила фотографию, — сказал я.

— У меня был соблазн отдать ей твоё фото с выпускного. Но там ты выглядишь настолько плохо, что даже реестр, наверное, признал бы его незаконным.

— А оригинал где?

Варя постучала пальцем по футляру.

— Под мягкой подкладкой. С билетиком. Пока вы выясняли, кто из вас красивее, я работала.

Я медленно выдохнул. Её руки наконец перестали дрожать.

И сразу после этого Костюм потянулся к её футляру.

Она ударила его по пальцам смычком.

Звук был сухой и очень убедительный.

— Не поняла? — спросила Варя.

— Послушай, — сказал он, растирая костяшки, — если оставить фотографию здесь, они найдут нас снова. На ней привязка к месту. Я должен забрать её.

— Ты должен спросить.

— Я спросил бы, если бы у нас было время.

— Тогда учись делать это быстро.

Взгляд Костюма потемнел.

— Ты думаешь, я впервые пытаюсь тебя спасти?

— Не знаю, — ответила Варя. — Ты же ни разу толком не рассказал.

Он посмотрел на меня, словно рассчитывал, что я его поддержу.

Я развёл руками.

— Боюсь, у тебя сегодня единственный шанс на мою помощь — не врать ей.

Костюм закрыл глаза. На несколько секунд я увидел себя так, как, возможно, видел меня отец во время самых неприятных разговоров: упрямого, злого и уверенного, что всё правильно делаю, пока не стало совсем поздно.

— Хорошо, — произнёс он. — Мне нужен оригинал акта, который находится не у вас. В городском архиве, в шестом отделе. Фотография может указать, где его искать. Когда мы

туда придём, контролёр вернётся с полномочиями, которые уже нельзя оспорить. Я хотел уйти с билетом один и увести её за собой.

— И бросить нас? — спросил я.

— Увести её, — повторил он. — Не одно и то же.

Варя поднялась, защёлкнула футляр и перекинула ремень через плечо.

— Ладно. Тогда мы пойдём вместе.

— Это опаснее.

— Для кого?

Костюм не ответил.

— Вот, — сказала Варя. — Значит, вместе.

С этим было невозможно спорить, не признавшись, что мы защищаем её не ради неё самой, а ради собственного спокойствия.

Мы вышли из квартиры. Тётя Зина стояла возле лифта со своей миской картошки. Не знаю, как долго. Возможно, всё это время. Она смотрела на нас так, будто увидела два одинаковых счёта за квартплату.

— Никак двойня? — спросила она.

— Скидку нам не сделали, — ответил я.

Она перевела взгляд с меня на Костюма и вдруг крепче вцепилась в миску.

— В прошлый четверг, — сказала она шёпотом, — я уже видела одного такого. Шёл вниз, ночью. В чёрном костюме. Только плакал. И руку так держал…

Она показала на левую руку Костюма.

Он медленно отступил.

— Этого не было, — сказал он.

— Может, и не было, милок. — Тётя Зина покачала головой. — Но я картошку с тех пор трижды перечистила, а забыть не могу.

Я хотел расспросить её, но в этот момент экран моего телефона заполнился незнакомым серым светом. На нём появилось уведомление не от банка и не от системы похорон.

«ГОРОДСКОЙ РЕЕСТР. ОТДЕЛ ОСОБО ВАЖНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ».

«Зарегистрировано убийство должностного лица».

«Потерпевший: инспектор Глеб Ратников».

«Место: управление архивного надзора, Низовск».

«Время происшествия: 11.11, 09:59».

«Подозреваемый: Горин Никита Андреевич».

Я остановился. В девять пятьдесят девять я возвращался домой, после драки в метро. Костюм, по словам Вари, сидел на кухне уже около часа.

Ни один из нас не мог убить инспектора в другом конце города.

«Установленный экземпляр: предыдущая редакция».

«Статус дела: ДОКАЗАНО».

«Действует солидарное вменение ответственности».

«МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ: ИСКЛЮЧЕНИЕ ОБОИХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ».

— Что? — спросила Варя. — Что там?

Я протянул ей телефон. На этот раз запись не исчезла, когда она посмотрела на экран. Рядом с текстом было прикреплено изображение.

Чёрно-белая фотография с камеры над входом в управление. Мужчина в моём чёрном костюме выходил из здания. На запястье — белый браслет морга. Левой рукой он держал тонкую папку. На асфальте под его ботинками лежала тень от вывески «АРХИВ».

Варя подняла глаза на Костюма.

— Ты всё это время был со мной, — сказала она. — С половины девятого. Я даже заставила тебя есть омлет. Помнишь?

Он кивнул.

Я коснулся фотографии пальцем. «Свидетельство» включилось само. На снимке зажёгся янтарный контур — не вокруг человека. Вокруг тени.

«ОБНАРУЖЕНО ИЗМЕНЕНИЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ».

«Время изменения: 10:14».

«Исходная запись: отсутствует в доступной версии».

«Элемент, внесённый при правке: тень подозреваемого».

В эту секунду Костюм побелел так сильно, что сделался похож на меня в морге, где я никогда не лежал.

— Там не должно было быть тени, — прошептал он.

— Почему?

Он взял телефон, приблизил изображение двумя пальца-

ми и показал на мокрый асфальт возле своей копии. Под туфлями человека на снимке было два отпечатка ног — и три тени.

Одна от вывески. Другая от него самого.

А третья, узкая и длинная, начиналась у его плеча и уходила за край кадра, будто рядом стоял кто-то, кого не разрешили сфотографировать.

— Это не я, — сказал Костюм.

— Тогда кто?

Он посмотрел на Варю. У него снова были слёзы на глазах, как в ту секунду, когда мы впервые встретились.

— Тот, кто научился пользоваться моим именем. — Он перевёл взгляд на меня. — И теперь ему больше не нужно спрашивать, которого из нас убить.

Со стороны лестницы послышались шаги. Ритмичные, неспешные. Сверху вниз.

Раз, два, три.

Тётя Зина выронила миску. Картошки покатились по ступеням, но одна осталась лежать на месте, будто ударилась о невидимую ногу.

На чистой белой стене лестничной площадки проступила надпись, которой секунду назад не было.

«РОЗЫСК. ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ ВЫБОР».

А под ней — моя фотография.

Нет.

Наши две фотографии.

И между ними оставалось пустое место, аккуратно очерченное третьей рамкой.

Глава 3
Цена одного вчера



Картошка остановилась посреди ступеньки.

Остальные клубни с грохотом скатились вниз, а эта, крупная, с чёрным глазком, зависла в воздухе сантиметрах в двадцати от пола. Не плавала. Лежала на чём-то, чего мы не видели.

Потом невидимое что-то сделало шаг.

Картошка упала.

— Тётя Зина, — сказала Варя удивительно ровным голосом, — отойдите за лифт.

— Да я только…

— Пожалуйста.

Когда Варя начинала говорить «пожалуйста» таким тоном, даже школьные учителя переставали спорить. Тётя Зина прижала к груди пустую миску и отступила. А на лестнице между двумя площадками появилась ещё одна строка объявления о нашем розыске:

«СОПРОВОЖДАЮЩЕЕ ЛИЦО НЕ УСТАНОВЛЕНО».

Третья рамка между нашими фотографиями не заполнялась. Зато в ней, словно за матовым стеклом, медленно проступала ручка двери.

— Это оно? — спросил я у Костюма.

— Нет. Это место для него.

— Какая тонкая разница. Когда оно меня убьёт, обязательно попрошу уточнить должность.

Костюм не ответил. Он смотрел на собственную левую ладонь, как на предателя, с которым приходится делить квар-

тиру. Пальцы начали белеть от кончиков. Я машинально растёр свою кисть — ту же самую. Вчерашняя связь между нами могла обернуться очень коротким сегодняшним днём.

Сверху снова раздался шаг. Третий.

За моей спиной Варя расстегнула скрипичный футляр.

— Только не говори, что собираешься сыграть похоронный марш, — прошептал я.

— Для тебя ещё рано. Держи.

Она сунула мне в руку маленькую коробочку канифоли. Костюм поднял голову.

— Не вздумай.

— Прекрасно, — отозвалась сестра. — Значит, это хорошая идея.

Варя провела смычком по канифоли, соскребая сухую пыль на перила, потом резко ударила ладонью по металлу. Облако янтарного порошка разлетелось поперёк лестницы. В нём на миг обозначилась пустота человеческого роста. Не силуэт, а провал в пыли — как если бы кто-то вырезал фигуру ножницами из фотографии и забыл дорисовать задний план.

Там, где должно было быть лицо, висел квадрат из серой бумаги.

На нём одним движением проступило слово: «ВИДЕЛ».

Я моргнул. Слово исчезло.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО: ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ НЕ ОБНАРУЖЕН».

«Обнаружено место, зарезервированное под запись».

— Бинт, — сказала Варя. — Не смотри на него так, будто оно может посмотреть в ответ.

Квадрат бумаги повернулся ко мне.

Я понял, что не просто смотрю. Я подтверждаю его существование.

— Все вниз, — сказал Костюм.

— Не успеем, — возразила Варя. — Оно уже между нами и выходом. Слышишь?

Она достала из футляра метроном, поставила его на край ступеньки и запустила. Тик-так. Тик-так. Между третьим и четвёртым ударом маятник замедлился так, будто перед ним на мгновение возникла густая вода.

— Где маятник запинается, туда не наступайте, — сказала сестра. — И не называйте друг друга по имени.

— Почему? — спросил я.

— На стене две ваши фотографии. А у него нет ни одной. Подумай, кого оно ищет.

Варя встала впереди, сжимая футляр у груди, и шагнула не к лестнице, а к двери квартиры сорок шесть. Позвонила. Один раз. Второй.

— Здесь никого нет, — предупредила тётя Зина. — Галина уехала к дочери.

— Знаю.

Варя нажала звонок третий раз.

На лестнице возник новый звук: механический щелчок.

Словно где-то внутри стены сменили карточку в картотеке. Квадрат серой бумаги повернулся к двери сорок шесть.

— Это не квартира разыскиваемых, — сказал я, едва шевеля губами.

— Сейчас станет, — ответила Варя.

Она сорвала с доски объявлений клочок нашего розыска с моим именем, прижала его к соседской двери и отступила. С лестницы донеслось ускоряющееся тик-так. Невидимое место нацелилось на надпись, как хищник на движение.

Дверная ручка сорок шестой квартиры выгнулась внутрь. Бумага с именем стала уходить в дерево, будто её кто-то затягивал через щель почтового ящика.

— Бежим, — сказала Варя.

Мы рванули вверх — к техническому этажу. Ноги ударяли по ступеням, плечо резануло болью, у Костюма сбилось дыхание. Тётя Зина не побежала за нами. Она вернулась к своей миске и громко сказала в пустой коридор:

— Эй! Не твоё! Сорок шестая за коммуналку заплатила!

Чудовище замерло.

Я обернулся в последний раз. Тётя Зина стояла между объявлением и дверью соседки. В её руках была старая бумажная квитанция, развернутая лицом к серому квадрату.

— Вот, — сказала она. — Подлинник. И подпись моя. У меня в доме за людей не расписываются!

Квадрат повернулся к ней.

— Тётя Зина! — крикнул я.

Она махнула на нас миской, как будто прогоняла детей с лужайки.

— Шевелись, покойничек! Я тут сорок лет с управдомами воюю. Ещё одного переживу.

Мы влетели в узкую дверь, ведущую к чердачной пожарной лестнице. Костюм задвинул ржавый засов. С той стороны раздался звук рвущейся бумаги. Затем удар. И голос тёти Зины, уже спокойный, но страшно далёкий:

— Квитанция за апрель. Не за май. Читайте внимательней.

После этого мы её не слышали.

Надо было вернуться. Это была единственная нормальная мысль, которую я мог придумать. Но Варя уже тянула меня через чердак к люку во двор, а Костюм не отпускал мою куртку.

— Она живёт на втором этаже, — выдохнул я. — Она там осталась.

— Если мы вернёмся, её доказательство перестанет работать, — ответил Костюм. — Она устроила проверку чужого полномочия. Не мешай ей выиграть.

Мне очень хотелось ударить его. Особенно потому, что в его словах был смысл.

. . .

Из дома мы вышли не через дверь, а через железную лест-

ницу над мусорными контейнерами. Варя спускалась первой, скрипка на плече. Под нами дымился чей-то завтрак, выброшенный вместе со сковородой. Здание выглядело совершенно обычным. На четвёртом этаже кричал телевизор, под окнами стоял велосипед с одним колесом.

Весь ужас Низовска, как оказалось, прекрасно сочетался с невывезенным мусором.

— Ты не проверил её, — сказала Варя, когда мы оказались в узком проходе между домами.

— Кого?

— Зину. Перед тем как побежать. Даже не попытался посмотреть, действует ли её бумажка.

Я остановился.

— Ты сама велела бежать.

— Я велела выйти из дома. А ты послушался его. — Она кивнула на Костюма. — Секунду назад ты хотел его придушить, а сейчас делаешь, что он говорит.

— Я спасал тебя.

Варя медленно перевела взгляд на свои руки. На пальцах осталась канифоль. Её смычок дрожал так сильно, что она прижала его к футляру, чтобы я не заметил.

— Тогда перестань называть каждый свой страх моим спасением.

Мы молчали, пока за углом не проехала уборочная машина.

— Прости, — сказал я.

— Потом. Сначала решим, куда.

Костюм зажал ладонью запястье с морговым браслетом.

— Шестой отдел архива. У нас мало времени.

— Нет, — ответила Варя. — Туда нас ждут. На стене уже был готов приказ. Нам нужен не протокол, за которым все охотятся, а то, чего они не успели переписать.

Она посмотрела на меня.

— Тамара.

Я вспомнил рыжую косу, голос из диспетчерской, распахнувшиеся двери и струи пожаротушения. Тамара осталась под землёй, когда я выбирался из метро. Её кассеты могли пережить правку камер. Но место, куда надо было за ними идти, было сейчас самым неудобным во всём городе: огромным транспортным узлом, где любое официальное лицо могло проверить моё существование.

— Её диспетчерская заперта, — сказал я.

— Зато у тебя есть работа.

— Сейчас моя работа — не умереть.

— Ты работаешь в Бюро забытых вещей. Оно находится у старого депо. Склад соединён с техническими помещениями метро. Ты водил меня туда на день открытых дверей. Помнишь? Я тогда уронила смычок в шахту лифта.

Я помнил. Два инженера ругались, доставали смычок длинным крюком, а Варя предложила им открыть частную службу спасения музыкальных инструментов.

— Откуда ты знаешь, что проход ещё существует?

— Не знаю. Поэтому пойдём и проверим.

Костюм смотрел на неё с каким-то болезненным восхищением.

— Ты всегда была лучше меня в таких вещах, — тихо сказал он.

— Это легко. У тебя сегодня вообще не очень получается быть мной, — отрезала Варя.

Я хотел заметить, что это логически невозможно, но промолчал. Мы пошли к старому депо пешком, обходя камеры на перекрёстках. Варя держалась на шаг впереди. Костюм иногда задерживался у витрин, разглядывая отражение нашего троих. Один раз я увидел, как его изображение в стекле не успело повернуть голову вслед за телом.

Он тоже заметил.

И ускорил шаг.

Старое депо пахло железом, мокрым кирпичом и бесконечным ремонтом. Раньше здесь чинили вагоны. Потом ремонтировали автобусы. Теперь муниципалитет арендовал часть помещений под склад утраченного имущества, а остальное собирался превратить в современный общественный центр. Обещал уже восемь лет. За это время в здании обновили вывеску и трижды сменили директора, не потревожив ни одной трещины.

Вход с улицы закрывали две решётки. Над ними мерцал новый электронный экран:

«БЮРО ВОЗВРАТА УТРАЧЕННОГО ИМУЩЕСТВА.

ПРИЁМ ЛИЦ, ВНЕСЁННЫХ В РОЗЫСК, ПРИОСТАНОВЛЕН».

— А выдача? — спросила Варя.

— Выдача утраченных лиц, очевидно, вообще не предусмотрена, — ответил я.

Мы обошли депо с тыла. Там, за грузовой рампой, была узкая металлическая дверь, которую я открывал почти каждый день. Замок не изменили с тех пор, когда меня ещё считали живым. Приложенный к считывателю пропуск вспыхнул зелёным.

«ДОСТУП РАЗРЕШЁН. СОТРУДНИК: ГОРИН Н. А.».

Дверь щёлкнула.

— Ну вот, — сказал я. — Хоть одна государственная база помнит обо мне что-то хорошее.

В следующую секунду на экране возникло уточнение:

«СОТРУДНИК УВОЛЕН ПО ПРИЧИНЕ СМЕРТИ. ПРОПУСК ПОДЛЕЖИТ ИЗЪЯТИЮ».

Из считывателя выдвинулся металлический язычок и намертво зажал карточку. Мы проскользнули внутрь, пока дверь не закрылась. Я оставил там пропуск. Вышло символично: первым делом после смерти у меня забрали возможность ходить на работу.

Склад освещали высокие окна под потолком. Между рядами стеллажей стояли коробки с забытыми куртками, сумками, зонтиками, детскими игрушками. Издалека это было похоже на склад не вещей, а маленьких неудавшихся возвра-

щений домой.

У двери кабинета сидел Семён Ильич. Мой начальник, человек с внушительными усами и привычкой подшивать любые документы в порядке, который понимал только он. Перед ним лежала куча бумажных бирок. Он аккуратно вычёркивал из них имена красным карандашом.

— Добрый день, — сказал я.

Он вскинул голову. Карандаш упал.

— Горин?.. — выдохнул он.

— Вопрос с подвохом. Да.

— Тебя же… — Он осёкся и посмотрел на Костюма. — О господи.

Семён Ильич не был человеком, склонным к религиозным восклицаниям. Он даже на больничный уходил, только предъявив самому себе справку. Сейчас его лицо стало серым.

— Сколько вас? — спросил он.

— Пока двое, — сказала Варя. — Но предложение от бюро принимаем только в виде наличных.

Начальник медленно закрыл дверь кабинета. На табличке с его фамилией вспыхнули красные буквы «ОСМОТР». Он накрыл табличку рукой.

— Я получил приказ уничтожить ваш личный шкафчик, — сказал он мне. — Вместе со всем, что в нём есть. Но вы… как…

— Не уничтожили?

— Я работаю с утерянным имуществом, Никита. Уничтожать то, что ещё не выдали владельцу, — нарушение. Даже если владелец умер.

Я впервые за этот день почувствовал к Семёну Ильичу почти нежность.

— Вы представляете, насколько это полезная черта характера?

— Не перебивай. — Он снял очки. — Десять минут назад ко мне приходила женщина из архивного надзора. Высокая, в тёмном пальто. Назвалась Ниной Вельской. Просила не трогать всё, что связано с тобой. Потом спросила, почему у меня в журнале две одинаковые подписи о приёме одного чемодана.

Мы с Костюмом переглянулись.

— Какого чемодана? — спросил он слишком быстро.

Семён Ильич указал на полку у своей двери. Там стоял небольшой серый чемодан, потёртый, без колёсиков, с двумя полосками старой клейкой ленты на крышке.

Я его видел раньше. Таких чемоданов в Низовске были сотни. Но на бирке стояла дата, от которой у меня занемели губы: «10 ноября, 23:58».

То же время, что и подпись на моей похоронной квитанции.

— Его принесли вчера ночью, — сказал Семён Ильич. — Я дежурил из-за инвентаризации. Сначала мужчина в чёрном костюме. Оставил и ушёл. Через две минуты пришёл

другой мужчина, тоже в чёрном костюме. Попросил забрать обратно. Подпись поставил такую же. Я не отдал. По инструкции выдача возможна не раньше оформления. А потом утром заглянул в журнал — и там значилось, что чемодан вообще не принимался.

— Вы обоих видели? — спросила Варя.

— Видел одного дважды. Я так думал. Только второй не отражался в стекле кабинета. Я заметил потом, когда пересматривал камеры. Картинку у меня забрали вместе с компьютером, а чемодан остался.

У Костюма чуть дрогнула нижняя челюсть.

— Я здесь не был, — сказал он.

— Конечно, — ответил начальник. — Особенно второй раз.

— И всё же не был.

Стул под Семёном Ильичом коротко скрипнул. Наш кухонный стул в депо не переносили, поэтому я решил не доверять акустическим доказательствам.

— Почему не сказали Вельской про чемодан? — спросил я.

Начальник посмотрел на кожаную ручку.

— Сказал. Она велела оставить на месте. «Не перемещайте независимое вещественное свидетельство», — так и сказала. Понимаете, Горин, до сегодняшнего дня я считал, что люди в государственных органах не бывают настолько вежливыми, когда хотят что-то отобрать.

— Вежливость у нас в городе часто предшествует изъятию, — заметил я.

— Я не закончил. Она ещё сказала, что вернётся через двадцать минут с понятыми. У вас осталось… — Он посмотрел на часы. — Семь.

Семь минут.

На поиски кассет Тамары этого явно не хватало.

Варя открыла серый чемодан раньше, чем я успел подумать, что он может быть заминирован. Внутри лежали только две вещи: мокрый шерстяной шарф и бумажная бирка из отдела находок. На бирке чернилами было написано: «Предъявить в шестом отделе. Не принимать по факту смерти». Ни подписи, ни печати. А на шарфе виднелось выцветшее голубое пятно, похожее на берег реки на старой карте.

Костюм протянул руку и остановился, не касаясь ткани.

— Где вы его взяли? — спросил он.

— Тебе только что объяснили, — ответила Варя. — Дважды принесли. Из разных мест. Что с шарфом?

— Это не мой, — произнёс он.

Я повернулся к нему.

— Ты сказал «не мой». А не «не знаю, чей».

Он не успел ответить.

Из дальнего конца здания донёсся металлический звук. Дверь на рампе открылась. Кто-то вошёл, осторожно ступая по бетонному полу.

Семён Ильич встал.

— Это не мои сотрудники. Я всех отправил на обед.

— В архив, — сказала Варя. — Быстро.

Начальник показал на служебную лестницу, которая вела вниз, в сухой подвал. Над дверью висела старая табличка «НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРИ ПОЖАРЕ». Под ней кто-то много лет назад карандашом приписал: «А при апокалипсисе?»

Мы вошли и спустились. Семён Ильич закрыл за нами дверь снаружи. Я услышал, как наверху он спокойно произнёс:

— Граждане, у меня по прежним инвентаризационным ведомостям семьдесят девять неопознанных зонтов. Если вы ищете один конкретный, оформляйте заявление.

Костюм выдохнул.

— Он долго не продержится.

— Зато ему будет чем занять их, — сказала Варя.

В подвале шли вдоль стен металлические трубы. Среди них располагался старый грузовой тоннель, заброшенный со времён, когда через депо перегоняли тележки из метро. На его решётке висел тяжёлый замок, который я лично закрывал весной после очередной инспекции пожарной безопасности.

— Ключ, — сказал Костюм.

Я достал связку. Подержал ладонь под слабой лампой и внезапно обнаружил: нужного ключа нет.

Между большим и указательным пальцем осталось светлое кольцо от металла. Я помнил ключ, помнил, что утром

он был рядом с квартирным, но теперь не мог даже вспомнить, где именно его оставил.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО: ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДМЕТА».

«Время редакционной правки: 11:06».

«Удалён элемент, обеспечивавший доступ в техническую зону».

Я посмотрел на настенные часы. Одиннадцать ноль семь. Кто-то редактировал нашу дорогу впереди нас, словно читал неудачный роман и вычёркивал слишком удобные совпадения.

— Это уже не преследование, — сказал я. — Это работа с нашими возможностями.

Варя поставила футляр на пол и вынула из бокового кармана металлический рычажок от метронома. На её лице было выражение человека, которому сейчас очень хочется, чтобы старший брат не начинал лекцию о безопасности.

— Не ломай, — сказал я.

— Я знаю.

Она просунула рычажок под язычок замка и потянула. Ничего.

Костюм достал из кармана тонкий нож для разрезания бумаг. Старый, с гладкой костяной ручкой. Увидев его, Варя отступила.

— Ножичек архивариуса? — спросила она.

— Ножичек человека, который умеет открывать письма, — сказал Костюм. — Держи лампу.

Через сорок секунд замок щёлкнул. Ни магии, ни возражения. Обычная человеческая привычка беречь устаревшую технику работала лучше половины государственных чудес.

— Ты откуда умеешь вскрывать замки? — спросил я.

— Один раз слишком долго ждал помощи.

— Очень конкретно. Спасибо.

Мы прошли в тоннель. Решётка осталась позади. За ней уже слышались голоса. Один принадлежал Семёну Ильичу, спокойному и обиженному:

— Ваша печать не освобождает от обязанности заполнить графу «Описание зонта».

Второй был женским:

— Сколько людей вы пропустили в подвальное помещение?

Третий голос не раздался вовсе. Но у меня на руке снова закололо. Мы ускорили шаг.

Тоннель от депо к метро был не подземной дорогой приключений, а длинным и сырым признанием в том, что город когда-то экономил на строительстве. Бетон под ногами покрывала вода, проводка висела так низко, что даже Варе приходилось пригибаться. На стенах сохранились инструкции двадцатилетней давности: «Не ходить одному», «Проверить заземление», «После смены выключить свет».

У последней таблички кто-то дописал карандашом: «Свет сам разберётся».

Костюм пошёл первым. У третьей развилки он свернул на-

право, не глядя на стрелку. Варя схватила его за лацкан.

— Ты знаешь дорогу?

— Да.

— Потому что уже был здесь?

— Не совсем.

— Ответ получше, чем в предыдущий раз. Но всё ещё плохой.

Он стиснул зубы.

— Эта развилка идёт к диспетчерской. Левая ветка — к шахте вентиляции, из которой ты сегодня выбрался. Средняя замурована после аварии. Я знаю план тоннелей.

— Откуда?

— От твоего отца, — сказал он и посмотрел на меня.

Варя отпустила его пиджак. Я почувствовал, как изнутри поднимается злость, не имеющая полезного применения.

— У отца была карта метро? — спросил я.

— Он кое-что проектировал. Знал технические помещения лучше большинства инженеров.

— И забыл рассказать, пока был с нами?

— Не всё, что он делал, он мог принести домой.

Последнюю фразу Костюм произнёс слишком тихо. Так говорят не о чужом секрете, а о собственном оправдании. Я решил запомнить. С памятью у нас в семье и без того возникали трудности.

Перед выходом в технический блок мы наткнулись на железную дверь без ручки. В ней была смотровая щель. Через

щель виднелся коридор с трубами, а в дальнем конце — лестница, ведущая к станции «Центральная». На двери висела новая пластиковая табличка:

«ПРОХОД ЗАКРЫТ С 10:14. ПРИЧИНА: ОБНАРУЖЕН ПУТЬ БЕГСТВА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ».

— Видишь? — сказал Костюм. — Они исправляют не только то, что было. Им достаточно решить, что мы сделаем.

— Пока лишь то, что мы можем сделать, — поправила Варя. — А это разные вещи.

На полу валялся стальной болт с резьбой. Она подняла его и с размаху ударила по замку. Болт отскочил. Дверь не подалась. Варя снова посмотрела на табличку, потом вдруг усмехнулась.

— Здесь написано, что закрыт проход, — сказала она. — А не что дверь заперта.

Она наклонилась к решётке в полу. Под решёткой шёл водосточный желоб, перекрытый железной заслонкой. Заслонка уходила под дверь. Рядом торчал рычаг с ржавой надписью «ДРЕНАЖ».

Мы втроём навалились на него. Заслонка опустилась, выпустив поток ледяной воды. Под дверью открылся проём шириной в полметра. Нормальный взрослый туда не пролез бы, но нормальные взрослые и не ходят по ночным водостокам ради служебной видеокассеты.

Варя сбросила футляр на другую сторону, скользнула на животе в грязь, затем протянула нам руку. Я прополз следом,

оставив часть куртки на заусенцах. Костюм задержался и посмотрел на собственные часы.

— Если получится, — сказал он мне, — не показывай инспектору определения из морга.

— Почему?

— Потому что она поймёт, что убитый Ратников знал о нашем слушании ещё вчера.

— А это плохо?

— Для него — уже да. Для нас может стать хуже.

Он просунул под дверь руку с белым браслетом. Тонкая полоска пластика зацепилась за железо, и я на мгновение увидел под ней два красных рубца, будто кто-то успел снимать такой браслет много раз.

Когда он пролез, из тёмного тоннеля, оставшегося за нами, донёсся сухой шелест. На старой табличке появилось продолжение:

«СПОСОБ ОБХОДА ЗАКРЫТИЯ: ДРЕНАЖНЫЙ ЛОТОК».

В ту же секунду заслонка за нашими спинами поползла вверх.

— Быстрее, — сказал Костюм.

Мы побежали.

. . .



В диспетчерской всё ещё пахло пеной пожаротушения. Стёкла мониторов были покрыты белыми разводами, на полу лежали мокрые бумаги. Там, где утром стояла Тамара, теперь зиял пустой стул. На его спинке зацепилась рыжая нитка. Я не знал, принадлежала ли она её косе или просто старому одеялу, но всё равно осторожно снял её и спрятал в карман.

Варя обошла пульт. Под ногами хрустел пластик.

— Тамара оставила тебе сообщение, — сказала она.

На шкафчике с видеотехникой красным маркером стояла надпись: «ГОРИН. НЕ ВЕРЬ ВРЕМЕНИ В УГЛУ ЭКРАНА. СМОТРИ НА ЗВУК».

Я провёл пальцами по буквам. Маркер был нанесён поверх свежих белых потёков, оставленных системой пожаротушения. Значит, после нашего ухода Тамара хотя бы на какое-то время вернулась сюда.

— Она жива, — сказал я.

— Или была жива, когда писала, — осторожно ответил Костюм.

— Будь добр, не улучшай настроение.

Мокрые шкафы оказались пустыми. В одном лежал только старый видеомагнитофон и один шнур без вилки. В другом — журналы аварий. Варя перелистывала их, проверяя фамилии. Я осмотрел стол, выдвижные ящики, отщёлкнул крышку системного блока, под которой стоял плотный слой пыли.

— Она точно держала здесь кассеты, — сказал я. — Показывала запись с Димой.

— Чего ты не замечаешь? — спросил Костюм.

Я обернулся.

Он указал на белые разводы. На полу они шли от потолка к стене одинаково, как после обычного тушения. Но одна прямоугольная область за шкафом была абсолютно сухой. Не просто чистой — нетронутой. Там стояло что-то тяжёлое, и его убрали после того, как вода перестала литься.

— Кассетный сейф, — сказал я. — Мы сами выдавали ей стальной ящик из списанного имущества. У него был сломан кодовый замок. Я ещё пошутил, что хранить в нём секреты можно только от людей, у которых нет отвёртки.

На стене, чуть ниже сухого пятна, белела половинка бумажной наклейки: «РЕЗЕРВНЫЙ НОСИТЕЛЬ. СЕКЦИЯ 6».

— Шестой отдел, — пробормотал Костюм.

— Почему секция шесть на технической кассете метро? — спросила Варя.

Ответ пришёл не от него.

— Потому что такую маркировку ставят на носители, переданные для хранения по запросу архивного надзора.

У входа стояла женщина лет тридцати пяти, высокая, в тёмном пальто поверх простой рубашки. Её волосы были убраны в короткий хвост, на правой щеке виднелся тонкий светлый шрам. В руках она держала не пистолет, а толстую

папку с зелёной лентой. Позади неё маячили двое сотрудников в форме надзора, вооружённых устройствами, похожими на строительные степлеры.

— Нина Вельская, — представилась женщина. — Инспектор по делам с противоречивой доказательственной базой. Горин Никита Андреевич, у вас сейчас есть редкая возможность добровольно объяснить мне, почему вы не можете находиться в двух местах и при этом числитесь убийцей.

— У нас в городе это скоро станет темой школьного сочинения, — ответил я.

Вельская не улыбнулась.

— Кто из вас предыдущий экземпляр?

Костюм сделал полшага вперёд.

— Я.

— Хорошо. Поднимите руки. Медленно.

Он послушался. У меня немедленно онемели пальцы левой кисти.

— Не стреляйте в него, — сказал я. — Мы по какой-то бюрократической причине делим даже онемение.

— Знаю. — Вельская перевернула верхний лист папки. — «Один юридический субъект, два физических носителя». Идиотская формулировка. Но до её отмены любой мой приказ распространяется на обоих.

Варя поставила футляр перед собой.

— Тогда сначала покажите приказ.

Один из сотрудников возмущённо дёрнулся.

— Несовершеннолетняя, отойдите!

— Меня вчера уже пытались сделать совершеннолетней задним числом, — сказала Варя. — Не получится. Бумагу, пожалуйста.

Вельская посмотрела на неё с неподдельным интересом. Отстегнула зелёную ленту, достала лист и развернула к нам. На нём стояли фотографии обоих Никит, печать надзора и слова «ЗАДЕРЖАТЬ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТА».

— Не «исключить»? — спросил я.

— Исключение — исполнительная мера. Я расследую убийство. Между этими действиями существует разница, которую некоторые мои коллеги обнаруживают только после служебной проверки.

— В их оправдание, после исключения жалобы писать уже неудобно.

— А вам, Горин, шутки помогают запоминать ответы?

— Пока да.

— Тогда запомните. С девяти пятьдесят девяти утра Ратников официально мёртв. Но в десять шесть он поставил подпись на запросе об изъятии металлического сейфа из этой диспетчерской. Я видела бумажный оригинал. Подпись была его. Это либо подделка, либо он умер не тогда, когда написано. В любом случае кто-то очень торопится, чтобы я арестовала вас раньше, чем успею проверить.

Варя медленно подняла голову.

— Где сейф?

Вельская кивнула одному из сопровождающих. Тот достал из-за двери знакомый металлический ящик, поставил на стол и захлопнул за собой дверь. На крышке я увидел царапину в форме буквы Т. Сам её оставил отвёрткой, когда помогал Тамаре ремонтировать замок.

— Я собиралась вскрыть его при понятых, — сказала инспектор. — Но, судя по всему, понятые уже прибыли сами.

— У нас немного другая должность, — сказал Костюм.

— Не мешайте мне быть вежливой. Времени нет. — Вельская посмотрела на часы. — Ровно в полдень судебный дубликат дела станет окончательным. После этого любая правка материалов будет считаться попыткой уничтожения доказательств. Даже если материалы уже изменили без нашего участия.

Я посмотрел на настенные часы. Одиннадцать сорок девять.

Одиннадцать минут, чтобы открыть ящик, найти нужную запись и доказать, что убитый человек успел что-то сделать после смерти.

Городские службы по-прежнему умели создавать клиентам прекрасные возможности.

Вельская раскрыла сейф обычной отвёрткой. У меня возникло ощущение, что уважаемая система государственных тайн недооценивала инструментальные возможности канцелярских работников.

Внутри лежали четыре видеокассеты, завёрнутые в сухую

ткань. На каждой маркером был написан интервал времени. «03:16–03:18». «08:50–09:10». «09:40–10:20». «НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ ДО СВЕРКИ».

На последней Тамара нарисовала маленькую сердитую рожицу. Её почерк я узнал сразу. Самое страшное в находке было не предупреждение. Она знала, что я обязательно проигнорирую его.

— Третью, — сказала Варя. — У нас десять минут.

Сотрудник надзора достал из-под пульта переносной монитор. Видимо, Вельская предусмотрела возможность, что у государственных органов сломается что-то электронное. Он подсоединил старый видеомагнитофон к резервной розетке. На экране вспыхнула рябь.

Кассета хрипнула, прокрутилась. Показалась пустая диспетчерская. В правом нижнем углу мигало «09:40». Голоса звучали из динамика глухо, с шипением. Движение стрелок на контрольном пульте было ровным, но в каждом шестом кадре проступала белая вертикальная полоса, словно кто-то пытался загородить камере обзор.

— Тамара писала «не верь времени», — сказал я. — Нам нужен звук.

В девять пятьдесят восемь на записи сработало звуковое оповещение о служебном звонке. Из-за кадра раздался голос диспетчера:

— Центральная, резервный канал. Назовите пост.

— Управление архивного надзора, Ратников, — ответил

мужчина. — Прошу соединить с инженером Седых. Срочно.

Вельская напряглась.

— Его голос, — сказала она.

— Самая полезная версия слова «жив», — пробормотал я.

На записи сменился звук. За стеной кто-то двигал металлические шкафы. Потом послышался голос Тамары:

— Инженер Седых. Слушаю.

— Вы храните у себя транспортную копию дела Горина? — спросил Ратников.

Я перевёл взгляд на Костюма. Он побелел.

— Какого Горина? — ответила Тамара на записи.

— Не играйте со мной. Два физически подтверждённых носителя. Один номер дела. По нынешней редакции это невозможно.

— По нынешней редакции вчера половина смены никогда не рождалась, — отрезала Тамара. — Что вы хотите?

— В десять четырнадцать ко мне придут за оригиналом протокола. Не отдавайте свою копию. А если вам скажут, что я умер до звонка, — не позволяйте им подменить звуковую дорожку. Они смогут исправить изображение. Звук у вас проходит через механический маркер стрелочного перевода, его будут чистить дольше.

На фоне прозвучало три коротких удара железом, за ними длинный звон.

Тамара сказала:

— Перевод номер четыре. Десять ноль шесть. Я отмечаю.

— Спасибо. И ещё одно. Если Вельская спросит, почему я подписал вчерашнее назначение суда, скажите: мне его уже принесли с печатью.

Из динамика раздался скрежет. Мужчина вскрикнул. Потом — быстрые шаги и падение тяжёлого предмета.

Кассета зашипела. На экране проступила чёрная рамка. Сначала она была пустой, затем внутри мелькнули два силуэта человека в костюме. За их спинами возникла третья — узкая, почти не имеющая ширины.

Варя выключила звук.

— Что ты делаешь? — резко спросила Вельская.

— Слушаю тишину, — сказала сестра. — Когда он закричал, стрелочный перевод продолжал работать. А сейчас на картинке кто-то выключил его звук вместе со всем остальным. Это не исходная запись. На плёнке есть вставка.

— На плёнке? — переспросил сотрудник.

— Да. Аналоговая вещь не святая, — ответила Варя. — Её тоже можно перезаписать. Только стёртая дорожка шумит иначе.

Вельская взяла кассету, повернула прозрачным окошком к свету. На магнитной ленте виднелись две светлые полосы. Одну я бы не заметил никогда. Вторую — тем более.

— На ней были два прохода стирающей головки, — сказала инспектор. — Кто мог достать оригинал после изъятия?

— Тот, кто изымал, — ответил Костюм.

Сотрудник у двери поднял своё устройство. На его металлической скобе вспыхнуло слово «ЗАПРОС». Он не целился в нас. Он целился в кассету.

— Материал подлежит немедленному изъятию, — произнёс он уже другим голосом, ровным и пустым. — Обнаружено недопустимое доказательство.

Вельская медленно повернулась к нему.

— Представьтесь ещё раз.

— Специалист сопровождения второго разряда.

— Назовите номер приказа.

— Материал подлежит…

— Номер. Приказа.

Устройство щёлкнуло. На груди сотрудника появилась серая полоска вместо служебной карточки. Он смотрел на инспектора, но лицо у него стало нечётким, как у человека за запотевшим стеклом.

— Вельская, — сказал Костюм. — У него уже нет имени. Он пришёл не с вами.

Я успел заметить, как в глазах инспектора мелькнуло узнавание. Не паника. Злость человека, которому кто-то в последний момент подменил страницу хорошо подготовленного отчёта.

— За дверь! — крикнула она второму сотруднику. — Отрежьте питание в коридоре!

Первый нажал на устройство. Бумажная папка Вельской вспухла, страницы начали выворачиваться наружу. На верх-

нем листе появилась фраза: «ИЗЪЯТО ПО ПРИЧИНЕ ОТСУТСТВИЯ ПРЕДЪЯВИТЕЛЯ».

Костюм бросился на человека с устройством. Я тоже — и вдруг потерял чувствительность в обеих кистях. Он схватил чужую руку, я схватил рукав. Точнее, пытался: мои пальцы двигались, но не ощущали ткани, словно кто-то в одно мгновение перенёс ладони на расстояние в полтора метра от моего тела.

— Бинт! — крикнула Варя.

Она ударила смычком по металлическому краю монитора. Раздался отчётливый, режущий звон. Потом ещё три быстрых удара и один длинный. Тот самый ритм, что звучал на кассете.

Сотрудник обернулся к звуку.

— Аудиомаркер подтверждён, — сказал он чужим голосом.

На мгновение его устройство перестало светиться. Этого хватило, чтобы Вельская выдернула из его рук скобу, швырнула на пол и раздавила каблуком. Скоба раскололась, выпустив облачко белой бумаги. По лицу человека потекла вода. Он осел на колени, глядя на неё испуганными глазами.

— Что… что я делал? — прошептал он.

— Подписывали чужую бумагу, — сказала Вельская. — Теперь вам понадобится больничный.

За стеной включилась сирена. На настенных часах было одиннадцать пятьдесят семь.

Три минуты.

Вельская быстро разложила на столе документы. Один — собственноручно подписанный запрос Ратникова на изъятие сейфа в десять ноль шесть. Второй — официальный акт о его смерти в девять пятьдесят девять. Третий — приобщённая к делу фотография подозреваемого, которую я уже видел на телефоне.

— Разные ведомства, разные носители, — произнесла она. — Но реестр признаёт только утверждённый акт. Чтобы приостановить обвинение, нужен протокол сопоставления с независимым источником. Я могла бы составить его сама, но его закроют вместе со мной. Вы, кажется, умеете предъявлять возражения.

— Умею. Не всегда нравится цена.

— Сегодня она есть у каждого, Горин. Вопрос, кто её выбирает.

Я включил «Свидетельство». Края листов подсветились янтарным. На записи с кассеты вспыхнуло нечто похожее на перевёрнутый почтовый штемпель. Буквы складывались одна за другой.

«ПРЕДЪЯВЛЕНЫ ТРИ НЕЗАВИСИМЫХ СЛЕДА».

«1. Аналоговая звуковая дорожка с механическим временным маркером».

«2. Рукописный запрос потерпевшего, удостоверенный инспектором».

«3. Электронный акт с зарегистрированным вмешатель-

ством в 10:14».

«Обнаружен конфликт последовательности правок».

«Для просмотра цепи необходима добровольная передача невозвратного свидетельства памяти».

Я почувствовал, как под ногами слегка качнулся пол.

«Предлагаемый расчёт: воспоминание о первом выступлении Гориной В. А. после смерти матери».

Нет.

Всё внутри мгновенно ответило: нет.

Я помнил тот вечер. Помнил, как Варя вышла из комнаты с инструментом. Как долго стояла передо мной, пытаясь начать. Что-то тогда произошло, что-то, после чего мы впервые смогли говорить о маме без ощущения, будто глотаем гвозди. Именно это мне предлагали забрать. Не случайную мелочь, не цвет занавесок. То, на чём держалось одно из наших обещаний.

— Сколько у нас? — спросила Варя.

— Две минуты.

Она смотрела на меня внимательно. Слишком внимательно.

— Опять воспоминание?

Я кивнул.

— Обо мне?

— Да.

В её лице что-то изменилось. Тот же взгляд, который был у неё в одиннадцать лет, когда она три дня звала меня по

имени-отчеству, чтобы не расплакаться.

— Не смей, — сказала она.

— Если не сделать, они могут исключить нас при задержании. И тебя оставят с двумя свидетельствами о смерти вместо одного нормального брата.

— Бинт, ты не можешь каждый раз платить тем, что между нами было.

Я хотел сказать, что у нас ещё будет много времени. Но посмотрел на Костюма, державшего чужую руку с белой печатью, и понял: обещать будущее, в котором не уверен, я уже научился слишком хорошо.

— Ты будешь помнить, — сказал я.

— А ты?

Я не нашёл ответа.

Варя подошла, взяла мою неповреждённую руку и положила мне в ладонь маленький кусочек канифоли.

— Тогда хотя бы не делай вид, что за это никто не заплатил.

Одиннадцать пятьдесят девять.

Я подтвердил обмен.

Комната не изменилась. Стены стояли на месте, кассета крутилась, на полу пахло мокрой бумагой. Просто в голове стало на одно место больше. Пустое, как стул после похорон.

Я знал, что Варя когда-то выступала для меня. Знал, что это было после маминой смерти. Но когда попытался представить её лицо, звуки инструмента, себя на кухне, увидел

только белый прямоугольник, за которым ничего не было.

«РАСЧЁТ ПОЛУЧЕН».

«НЕСООТВЕТСТВИЯ: 2».

«ФУНКЦИЯ ДОПУСКА 1 РАСШИРЕНА: ЦЕПОЧКА ПРАВОК».

«Ограничение: требуется не менее трёх независимых следов; доступна только подтверждённая последовательность изменений, не личность автора».

Я посмотрел на видеозапись, на подпись Ратникова, на акт о смерти.

Теперь я видел не три противоречащих друг другу документа. Я видел порядок, в котором их пытались заставить согласиться.

В девять пятьдесят девять Ратников ещё числился живым. В десять шесть он подписал запрос. В десять четырнадцать видеозапись переписали, добавив фигуру в моём костюме и её тень. Затем акт смерти получил время девять пятьдесят девять. Записи не просто испортили. Их подогнали задним числом под уже выбранного виновного.

— Вельская, — сказал я. — В акте смерти неверна не только фотография. Сначала выбрали виновного. Потом переписали время смерти, чтобы он подходил.

— Покажите, — сказала она.

Я не мог показать ей то, что видел внутри головы. Зато смог назвать секунды, последовательность и реквизиты исправлений, которые проявились перед глазами. Вельская

сверила их с тремя документами. Внизу электронного акта вспыхнула строка «ВОЗРАЖЕНИЕ ПРИНЯТО К РАССМОТРЕНИЮ», затем «ПОДТВЕРЖДЕНО НЕЗАВИСИМЫМ ИНСПЕКТОРОМ».

Было ровно двенадцать.

На моём телефоне приказ об исключении обоих Никит при задержании рассыпался на серые квадраты.

«КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЛА ИЗМЕНЕНА: ОБВИНЕНИЕ НЕ ДОКАЗАНО».

«МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНА».

«МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО: НЕ УСТАНОВЛЕНО».

Не оправдание. Не победа над всем, что с нами происходило. Но впервые за день кто-то отказался убивать нас на основании исправленной фотографии.

— Теперь вы нас отпустите? — спросил я.

Вельская убрала документы в папку.

— Теперь я задержу того, кто подписал смерть человеку до того, как он успел умереть. А вы мне в этом поможете.

— У нас есть выбор?

— У вас есть сестра, которой стоит перестать платить за чужие секреты. Начните с этого.

Костюм отвёл взгляд.

Варя подняла футляр и вдруг тихо спросила меня:

— Бинт. Помнишь, что я тогда сыграла? После мамы?

Я открыл рот.

Внутри прозвучала тишина. Не обычная забывчивость, когда слово крутится на языке. У меня не было даже места, с которого можно начинать искать.

— Нет, — ответил я.

Варя кивнула. Не сердито. Хуже. Так, словно отняли у неё вещь, которую она не собиралась никому продавать.

— Ладно, — произнесла она. — Я сыграю снова. Но это будет другой раз.

Она отвернулась, пока я не увидел её лицо.

. . .

Победа продлилась сорок две секунды.

Именно столько понадобилось Вельской, чтобы извлечь из сейфа последний предмет — плотный конверт, приклеенный к нижней стенке. До этого мы принимали его за часть прокладки. На лицевой стороне стояла чёрная буква «П», рядом — ноль, перечёркнутый двумя дырочками.

Тот же знак, что на синем метробилете, спрятанном в Варином футляре.

Костюм резко протянул руку.

— Не вскрывайте.

— Поздно, — сказала Вельская и разрезала клапан.

Внутри лежал сложенный лист. Не приказ об аресте. Не схема метро. Обычное уведомление о назначении выездного заседания по делу № 000001. Место заседания: Мостовая

улица, дом четырнадцать. Время: 12 ноября, 03:17.

Варя посмотрела на адрес.

— Такой улицы две, — сказала она. — Старая Мостовая на северном берегу и новая на южном. Обе называются одинаково, пока администрация не решит, которую переименовать. Это же всем известно.

— Администрация считает, что улица одна, — ответила Вельская. — Поэтому в документах есть один дом четырнадцать. А жильцов в нём — шестьдесят два человека из двух разных домов.

Я вспомнил отцовскую надпись: «Если помнишь только один берег, пересчитай мосты».

На уведомлении было ещё одно поле. Его закрывала узкая бумажная полоска. Вельская потянула за край. Полоска оторвалась.

«ЛИЦО, УПОЛНОМОЧЕННОЕ УДОСТОВЕРИТЬ ИТОГ СЛУШАНИЯ».

Ниже — имя.

«ГОРИНА ВАРВАРА АНДРЕЕВНА».

— Это ошибка, — сказал я. — Ей шестнадцать. Мы уже отменили передачу выбора. Официально.

Вельская ничего не ответила. Она развернула лист к свету, и я увидел, что справа стоит подпись. Варина. С тем странным крючком в конце, который сестра всегда дорисовывала, потому что не любила заканчивать буквы ровно.

Но под подписью значилась дата.

«12.11, 03:17».

Завтрашняя.

«ЦЕПОЧКА ПРАВОК: ОРИГИНАЛЬНАЯ ПОДПИСЬ НЕ ОБНАРУЖЕНА».

«Статус документа: ЕЩЁ НЕ СОЗДАН».

«Источник будущего удостоверения: Мостовая, 14».

— Такое невозможно, — прошептала Варя.

Костюм закрыл глаза.

— Именно поэтому нельзя было идти на слушание, — сказал он.

Вельская вдруг схватила лист за края и побледнела. На обратной стороне сквозь бумагу проступил ещё один текст, написанный, судя по нажиму, той же рукой, что выводила Варину подпись.

Там не было юридических формулировок. Всего две строки.

«Бинт, если ты это читаешь, значит, в тот раз мы успели».

«Не открывай дверь дома четырнадцать, пока не поймёшь, на каком берегу стоишь».

Я поднял глаза на сестру. Она не двигалась. Костюм смотрел на неё так, как смотрят на человека, который только что сказал давно знакомые слова, но ещё не знает об этом.

И тогда из выключенного видеомагнитофона донёсся голос.

Варин голос.

— Никита, — сказал он, сдавленно, почти без воздуха. —

Если вы меня слышите, не верьте карте. Здесь две двери. И за обеими…

Запись оборвалась.

На пустом чёрном экране медленно появилась надпись: «ПРИБЫТИЕ УПОЛНОМОЧЕННОГО СВИДЕТЕЛЯ: 00:00:30».

А в коридоре за дверью диспетчерской зазвучала скрипка.

Глава 4
Улица, которой две



«00:00:29».

Скрипка за дверью взяла ноту, которой в природе не существовало.

Не потому, что звук был слишком высоким или низким. Он был совершенно обычным, чистым, чуть дрожащим. Только я слышал его из двух разных мест: за дверью диспетчерской и откуда-то изнутри Вариного футляра. Между ними лежало метров шесть, несколько килограммов дерева, железа и моего здравого смысла.

Варя застыла, держа футляр обеими руками.

— Это моя скрипка, — произнесла она.

— Твоя сейчас у тебя, — сказал я.

— Я знаю. Я говорю о звуке. На верхней струне есть царапина возле порожка. Когда я веду смычок медленно, она даёт такой свист. Я уже месяц обещаю её поменять.

«00:00:24».

Нина Вельская захлопнула папку с доказательствами и направилась к двери. Костюм схватил её за рукав.

— Не открывайте.

— Вы знаете, кто там?

— Знаю, чего там нет.

— Меня этот ответ скоро начнёт раздражать, — сказала Вельская. — Он у вас семейный?

В коридоре раздался короткий металлический стук. Потом ещё один. Из-под двери медленно выполз край белой бумаги. Кто-то просовывал документ снизу, хотя щель была слишком узкой даже для сложенной вчетверо газеты.

На листе проступили слова:

«АКТ ЛИЧНОГО ПРИБЫТИЯ СВИДЕТЕЛЯ».

«Свидетель: Горина Варвара Андреевна».

«Способ удостоверения личности: голос, уникальная исполнительская манера».

«00:00:18».

— О, — сказал я. — Теперь у нас даже музыку приватизировали.

Варя протянула руку к листу. Я удержал её.

— Не трогай.

— Бинт, я не собираюсь расписываться. Я хочу доказать, что эта бумажка врёт.

Она открыла футляр, достала инструмент и коротко провела смычком по нижней струне. Звук отозвался в коридоре через долю секунды, как эхо. А потом за дверью зазвучало то же самое, но в обратном порядке: сначала дрожание, потом движение смычка.

— Там не человек играет, — сказала Варя. — Там запись заставляют отвечать на меня. Как автомат на вокзале: нажмёшь кнопку — он объявит твою остановку.

«00:00:12».

Нина достала старый механический секундомер. Вельская вообще подозрительно хорошо оснащалась предметами, которым не нужно было обновлять программное обеспечение.

— Что мне удостоверить? — спросила она.

— Свидетель не может присутствовать в двух местах, если вы не хотите третьего Никиту в нашем районе, — ответила Варя. — Запишите: я здесь. Я живая, меня можно опросить. А там — акустическая копия. Пусть предъявят того, кто её сделал.

«00:00:08».

Из-под двери вылез второй лист, на этот раз с готовой подписью. Та же петля, тот же нажим. Только чернила ещё блестели, словно их нанесли секунду назад.

Костюм побелел.

— Не спрашивайте, кто сделал, — сказал он. — Если она сейчас это подтвердит, процедуру засчитают.

Я вспомнил, как пустое место на лестнице оживало, стоило мне внимательно на него посмотреть. Здесь требовалось не разоблачить подделку, а не дать ей стать фактом.

— Нина, — сказал я, — акт прибытия — это свидетельство присутствия, а не сходства голосов. Прибыл человек или фонограмма?

Вельская, не глядя на меня, вывела на полях бумажного постановления четыре слова: «Предъявитель физически не установлен».

«00:00:04».

— И кто подписывается под этим? — спросил я.

— Я, — ответила она. — Именно поэтому меня так не любят на работе.

Она расписалась.

Я поднял её лист вместе с двумя чужими. «Свидетельство» подсветило различие: бумага инспектора была подписана здесь, сейчас, на глазах у троих; акт за дверью пытался удостоверить человека, которого никто не видел.

— Возражаю против личного прибытия, — сказал я. — Предъявлена копия звука вместо свидетеля. Независимое освидетельствование подтверждает отсутствие предъявителя.

«00:00:01».

В коридоре скрипка оборвалась на такой ноте, будто её

задушили ладонью.

«УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ НЕ ЯВИЛСЯ».

«Попытка заочного удостоверения признана недействительной».

«ПОВТОРНОЕ ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ: МЕСТО ИСТОЧНИКА — МОСТОВАЯ, 14».

Все три листа, выглядывавшие из-под двери, быстро ушли обратно.

Вельская убрала секундомер.

— Значит, у нас есть адрес.

— Два, — напомнила Варя.

За дверью что-то медленно повернуло ручку. Рука осталась невидимой, но железо прогнулось под пальцами.

Костюм отступил.

— Уходить надо сейчас.

— Согласен, — ответил я. — Мне не нравится получать повестки, играющие на скрипке.

Вельская открыла запасной выход из диспетчерской. Перед этим сунула под дверь маленькую карточку. На ней значилось: «Обследование не завершено. Вещественное доказательство. Не изымать».

Ручка перестала двигаться.

— Вы уверены, что это сработает? — спросил я.

— Минут на пять, — сказала Нина. — В моей профессии это считается отпуском.

Мы вышли через коридор ремонтной службы. Двое со-

трудников Вельской остались у пульта: один ещё не оправился после чужого голоса, другой должен был охранять сейф и кассеты. Инспектор составила при них протокол опечатывания. Кассеты мы с собой не забрали. В отличие от нас, они теперь хотя бы существовали сразу в нескольких ведомственных документах.

На лестнице к улице Варя задержала меня.

— Ты слышал, что они сделали? — спросила она.

— Подделали твоё выступление.

— Нет. Они проверили мою игру по ошибке на струне. Кто-то знает мой инструмент лучше, чем я его берегу.

Она убрала скрипку в футляр. Я хотел сказать что-нибудь обнадёживающее, но вспомнил, что уже продал воспоминание о её первом выступлении. Я мог обсуждать с сестрой звук. Не мог вспомнить, каким он был, когда мы действительно нуждались друг в друге.

— Мы найдём, кто записал, — сказал я.

— Найдём, — согласилась она. — Только не покупай ответ мной.

Это прозвучало не как просьба.

. . .

Низовск стоял на двух берегах реки Нивы, и городские власти много лет пытались убедить жителей, что это одно и то же.

На северном берегу были старые дворы, трамвайные кольца, дома с облупленной лепниной и булочная, где продавали хлеб по часам, известным только продавщице. На южном — широкие дороги, стеклянные бизнес-центры и гигантский торговый комплекс под названием «Берег». Рекламные плакаты комплекса обещали: «У нас вы найдёте себя».

Мне захотелось заехать туда и попросить возврат денег.

Мостов между берегами было три: автомобильный, пешеходный Старый и железнодорожный, по которому гражданским разрешали ходить только в случаях, когда железная дорога уже не могла их оштрафовать. На карте в телефоне Мостовая улица обозначалась одной линией. Она пересекала Ниву, хотя в действительности на этом месте была вода шириной двести метров и остатки старой пристани.

Мы остановились у остановки трамвая. Вельская развернула бумажный план города, сложенный гармошкой.

— Сначала северный дом четырнадцать, — сказала она. — Он старше. Там должен быть первоначальный адресный акт.

— А второй? — спросила Варя.

— Проверим оба. Я не подпишу ни одного вывода, пока не посмотрю на каждую дверь.

Костюм стоял в стороне и пристально рассматривал городскую карту. На его браслете из морга ещё виднелась засохшая кровь — или красная краска. Всякий раз, когда я хотел спросить, он поворачивал руку другой стороной.

— Почему ты пытался остановить нас в диспетчерской? — спросил я.

— Потому что эта подпись уже однажды появилась.

— Так ты всё-таки помнишь, что случилось завтра?

— Я помню некоторые результаты. Не весь путь к ним.

— Очень удобно для человека, который мечтает руководить экскурсией.

— Твоим экскурсиям обычно не хватает тех, кто возвращается назад, — ответил он.

Варя вклинилась между нами с видом человека, которому в очереди снова попались двое скандалящих пенсионеров.

— Правило, — сказала она. — Если что-то знаешь, говоришь до того, как оно нас укусит. Если не знаешь, не изображаешь мудрого мертвеца. Договорились?

Костюм посмотрел на неё, потом на меня.

— Договорились.

— Невероятно, — сказала Варя. — В городе впервые подписан документ, который можно исполнить.

Трамвай пришёл пустой. Водительница не удивилась двум одинаковым мужчинам. Она вообще ни на кого не смотрела, пока Вельская не предъявила служебное удостоверение. Тогда удивилась и вежливо попросила не устраивать в салоне процессуальных действий: после предыдущих у неё исчез ряд сидений, а отвечать за недостачу заставили её.

Мы доехали до северного берега. У остановки над нами нависало облупившееся здание старого клуба речников. Че-

рез дорогу начиналась Мостовая — узкая улица с каштанами и низкими домами, которой место было скорее в семейном альбоме, чем на официальном плане современного города.

На доме четырнадцать висели две таблички.

Первая, эмалированная, с белыми цифрами на синем фоне: «УЛ. МОСТОВАЯ, 14».

Вторая, пластмассовая, новая: «МОСТОВАЯ УЛ., 14. ЕДИНЫЙ АДРЕСНЫЙ ОБЪЕКТ».

Под ней кто-то карандашом написал: «Скажите это почтальону».

На лавочке у подъезда сидела пожилая женщина и чистила яблоко длинной полоской кожуры. Она посмотрела на нас с таким спокойствием, будто каждый день к ней приходили два экземпляра одного племянника.

— К кому? — спросила женщина.

— К жильцам, — ответила Вельская. — Выездное освидетельствование адреса.

— Значит, опять будем делить людей на две квитанции. Я Мира Сергеевна Рябова, домовая старшая. И сразу говорю: жильцов у нас тридцать один. Кот не считается, хотя по ночам ведёт себя как депутат.

Нина раскрыла папку.

— А в едином реестре шестьдесят два.

— Вторую половину ищите за рекой. У нас они в почтовый ящик не помещаются.

Мира Сергеевна протянула инспектору железный жетон с

выбитым номером 14 и незнакомым знаком: ноль, перечёркнутый двумя короткими линиями.

Варя машинально коснулась футляра. На старом синем метробилете отца стояло то же обозначение рядом с буквой «П».

— Где вы взяли жетон? — спросила она.

— Когда на пристани ещё действовал перевоз, выдавали жильцам для прохода в оба конца, — ответила старшая. — Сказали хранить на случай переселения. Власти любят переселять тех, кто никуда не собирался.

Костюм резко поднял голову.

— Жетон двусторонний? — спросил он.

— Был. Одну сторону кто-то сточил. А другую, если присмотреться, до сих пор можно прочитать.

На ржавом металле проступали не буквы и не цифры.

Там была дата: «12.11».

Вельская посмотрела на часы.

— Завтрашнее число, — сказала она.

— Не обязательно завтрашнее, — ответила старшая. — Жетону двадцать лет. Просто каждый год число одно и то же.

Она закончила чистить яблоко. Кожура упала на землю одним кольцом.

— Вы, главное, до семнадцати часов управьтесь, — добавила Мира Сергеевна. — Потом наш дом опять начнёт гореть.

— Опять? — переспросил я.

Мира Сергеевна посмотрела на меня поверх очков.

— В прошлом году в пять загорелась лестница. Позапрошлом — квартира шесть. До этого мы неделю тушили электропроводку, хотя всё здание было отключено от сети. Вот и сегодня пожарные уже поставили машину за углом. Пожарная часть у нас предусмотрительная: не верит ни в чудеса, ни в исправные провода.

— А когда это началось? — спросила Вельская.

— После пожара двадцать второго года. В акте написано, что дом уничтожен полностью. Мы его читаем каждый год и удивляемся, отчего живём на третьем этаже.

Нина листала планшет, не выпуская из другой руки бумажный жетон.

— По реестру Северная Мостовая, четырнадцать, подлежал сносу после пожара. Все жильцы переселены в новый дом четырнадцать на юге. По второму массиву данных старый дом никогда не сносили. У него действующая книга собственников и тридцать один зарегистрированный житель.

— И ещё тридцать один на юге, — сказал я.

— Причём это не те же люди, — закончила она. — В южном доме совершенно другие семьи. Не переехавшие, а получившие квартиры по обычным договорам. Два набора законных записей ссылаются на одно разрешение на ввод объекта.

— Насколько всё плохо?

— Если сейчас запросить полное восстановление сгорев-

шего дома по первоначальному акту, новая постройка окажется юридически невозможной. А наш реестр не различает юридическую невозможность здания и жизни его обитателей.

Она сказала это как человек, который видел результат подобной ошибки. Я впервые понял, что её аккуратное тёмное пальто и привычка проверять подписи — не просто служебная деформация. Вельская боялась неверной бумаги больше, чем вооружённого преступника.

— Значит, не будем восстанавливать, — сказала Варя.

Мира Сергеевна сложила ножик и встала.

— Сначала познакомьтесь с жильцами. Потом решите.

На первом этаже пахло краской, супом и горячей пылью от старых батарей. У доски объявлений висела фотография девочки с белой чёлкой. Над ней фломастером было написано: «АСЯ БЕЛЯЕВА. ПРОПАЛА 12 НОЯБРЯ». Год кто-то замазал корректором, затем поверх небрежно вывел «2022».

— Почему фото на доске? — спросила Варя.

— Потому что мать каждый раз вешает новое, — ответила старшая. — По официальным бумагам этой девочки не было. По нашим — была. Приходит проверка, фото исчезает. Мы печатаем снова.

Из квартиры два вышла худощавая женщина в синем медицинском халате. Она держала полиэтиленовый пакет с пустыми бутылками. Увидев нас, осторожно придвинула к двери пакет, как преграду.

— Инспекция? Опять скажете, что у меня нет ребёнка?

— Я не знаю, что скажу, — ответила Вельская. — Меня зовут Нина. А вас?

— Светлана Беляева. И вы уже говорили. Не вы лично, конечно. В прошлый раз приходил мужчина с печатью на ладони. Сказал, что Ася — моя «некорректная память». После него в шкафу остались зимние колготки несуществующего размера и одна детская варежка. Объясните мне, почему колготки материальны, если ребёнка не было.

— Не могу, — тихо ответила инспектор.

Светлана посмотрела на наши лица. Сначала на меня, затем на Костюма. Я ждал крика. Вместо этого она устало улыбнулась.

— И вас уже исправляли. Видно по глазам. Все сначала ищут, кому показать доказательство. Потом перестают искать, потому что боятся, что заберут последнее.

Она пустила нас в квартиру. На подоконнике стояли фиалки, на стене висел календарь на ноябрь, где двенадцатое было обведено красным. Маленький стул у стола был занят мягким зайцем в красном платье. Перед зайцем лежала тарелка с кусочком яблока.

— Я знаю, что она не придёт на обед, — сказала Светлана, заметив мой взгляд. — Но раньше я забывала и про тарелку. А потом узнала, что в соседнем городе тоже есть матери, которые помнят, что кого-то ждали. Научилась оставлять место. Так проще замечать, когда оно снова становится пустым.

Варя остановилась у двери в детскую. На косяке шли карандашные полоски роста: пять лет, шесть, семь, восемь. Возле последней кто-то приписал кривое «А».

«СВИДЕТЕЛЬСТВО: ИЗМЕНЁННАЯ ЗАПИСЬ».

«Объект: отметки роста».

«Последнее редакционное вмешательство: 12.11.2022, 17:00».

— Можете посмотреть? — спросила Светлана. — Не глазами инспектора. Как человек, которого тоже не записали.

Я рассмотрел дверной косяк. Волокна дерева были надрезаны ногтем. Семь полосок присутствовали сразу в двух слоях лака. Восьмая — под более поздней краской, нанесённой поверх. Это нельзя было получить простым вчерашним обманом. Кто-то годами отмечал рост ребёнка и потом так же старательно старался убедить мир, что ребёнка не было.

— Она существовала, — сказал я. — Я могу подтвердить, что отметки менялись. Но не могу пока сказать, куда она делась.

Впервые за весь разговор Светлана перестала держать руки перед собой.

— Значит, её можно вернуть?

В комнате стало тихо. За окном кто-то громко закричал водителю: «Ты куда поворачиваешь, слепой?» Это был такой обычный город, что на секунду я возненавидел его за нормальность.

— Я возвращал человека, — сказал я. — Маленького

мальчика. Но для этого мне понадобилось независимое свидетельство. И я заплатил тем, что больше не вспомню.

— Чем?

Я посмотрел на Варю.

— Семейной памятью.

Светлана села на край дивана. На её лице появилась надежда — самая опасная вещь из всех, что мы принесли в эту квартиру.

Вельская достала из папки распечатку адресного дела.

— Есть ещё одна проблема. Суд в три семнадцать должен решить, какой из двух домов четырнадцать существует в единой редакции. Если заявить сейчас полное восстановление Аси по старому адресу, документ может автоматически утвердить северный дом первоначальным, а южный объявить производным и исключить. Там живут тридцать один человек.

— А у меня? — спросила Светлана. — У меня сколько осталось?

Никто не ответил.

Варя подошла к детскому стулу и подняла мягкого зайца. Его платье было пришито нитками двух цветов: красного и синего. С внутренней стороны ткани сохранились два разных имени, одно поверх другого. Первое — «АСЯ». Второе — «ЛЕРА».

— Кто такая Лера? — спросила сестра.

Светлана моргнула.

— Не знаю. Этот заяц был у Аси. Она сама шила платье.

Костюм выпрямился так резко, что задел головой дверной косяк.

— Откуда он у вас?

— Я же сказала. Из нашей детской.

— Нет. — Костюм говорил теперь очень тихо. — Это не её заяц. Я видел его в другом доме. На другом берегу.

— Когда? — спросил я.

Он молчал несколько секунд.

— Когда дверь ещё открывалась с обеих сторон.

Я вспомнил записку, написанную рукой сестры: «Не открывай дверь дома четырнадцать, пока не поймёшь, на каком берегу стоишь».

— Назови число, — сказала Варя.

Костюм посмотрел на неё с такой болью, что я на мгновение пожалел о своём существовании рядом.

— Не могу. Эта часть у меня тоже отнята.

Светлана осторожно взяла зайца обратно.

— Я не отдам его, — предупредила она.

— И не нужно, — ответила Варя. — Только разрешите сфотографировать швы. Здесь, похоже, две истории, и ни одну мы не имеем права выкидывать.

Она сделала снимок на телефон и тут же показала его нам. На экране платье было целиком красным. Синие нитки исчезли. Варя выключила телефон, достала из футляра маленький блокнот и перерисовала два ряда стежков от руки.

— Будем работать с тем, что не просит зарядку, — сказала она.

Мы вышли из квартиры. Мира Сергеевна ждала нас на площадке у лестничного окна. Рядом с ней стоял мальчишка лет двенадцати с ведром воды.

— Это Паша, — сказала старшая. — Сын председателя пожарной комиссии нашего подъезда. Сам себя назначил.

— Мать — председатель, — поправил мальчик. — А я заведую эвакуацией. В прошлом году спас кота. Мне должны награду.

— Не выдавайте ему, — сказала Мира Сергеевна. — Он потом возомнит себя министром.

Паша показал на оконный проём между этажами.

— Смотрите. Сегодня раньше началось.

На стекле проступала сажа. Сначала лёгкая тень, затем чёрный рисунок трещин. За окном стоял солнечный ноябрьский день. Внутри здания пахло палёной изоляцией.

«РЕЕСТР. ПОДГОТОВКА К СОГЛАСОВАНИЮ АДРЕСА».

«Обнаружено две действующие линии собственности».

«До следующего судебного слушания допускается только один первичный объект».

«Предварительная нормализация: 15:00».

— Сейчас половина второго, — сказала Вельская, сверяясь с часами. — У нас полтора часа, чтобы не дать одному дому стать доказательством отсутствия другого.

— Тогда начнём с простого, — предложил я. — Уточним, что два берега — это два берега.

Вельская уже доставала из папки бланк.

— На словах проще, Горин. Для временного разделения адреса мне понадобятся независимо установленные границы объектов, две разные хозяйственные истории и действующие свидетели по обе стороны. Если физическое место на время проверки исключат из реестра, свидетельство с него перестанет иметь силу.

— И где взять границы?

Мира Сергеевна достала из кармана связку ключей, такую тяжёлую, что ею можно было защищать подъезд от танковой дивизии.

— В подвале. У каждого дома свой водомерный узел. Наш счётчик старше последнего пожара. А на юге я однажды видела другой: новый, с заводским номером. Я у них за отопление судилась, прежде чем поняла, что в нашем городе судят не дома, а адреса.

— Тогда идём вниз, — сказала Варя.

Паша переступил с ноги на ногу.

— А мне что делать?

Сестра протянула ему свой механический метроном.

— Когда увидишь дым, выставь его у лестницы и заведи. Если начнёт пропадать звук между ударами, уходите через задний двор. Не спорьте с тем, что застрянет между тиками.

Мальчик принял прибор с торжественностью юного гене-

рала, которому выдали настоящий танк.

— А кота брать?

— Кота в первую очередь, — сказал я. — У него наверняка нет никаких документов, и этим он нам всем обязан.

. . .

В подвале дома четырнадцать, среди закопчённых труб и банок с огурцами, висел водяной счётчик с латунным корпусом. На его боковой стороне был выбит номер «Н-014-77». Рядом, в железном ящике, лежал пухлый журнал записей: расход воды, дата, подписи жильцов за двадцать семь лет.

Нина проверила заводскую табличку, нашла паспорт прибора и сфотографировала показания вместе с бумажным журналом. Затем заставила меня и Миру Сергеевну расписаться отдельно, не глядя на подписи друг друга.

— Один объект, один независимый материальный след, — сказала она. — Теперь нужен второй. И оба должны оставаться доступными до пятнадцати часов.

На обратной стороне журнала была засохшая печать: «ПЕРЕПРАВА № 0». Снова ноль с двумя чертами.

Костюм заметил, куда я смотрю, и коротко качнул головой. «Потом», говорили его глаза.

Я впервые за день не ответил язвительностью. Вместо этого вырвал из старой тетради чистый лист, записал номер счётчика и положил себе в карман. Если кто-то исправит

этот мир, по крайней мере одно число будет написано моей рукой.

Снаружи раздался удар, от которого вздрогнули трубы.

Потом второй.

Третий прозвучал уже совсем рядом.

Кто-то стучал по дверям дома — не с улицы, а из тех мест, где стен ещё не было.

Я выглянул в коридор.

Там было слишком просторно.

Вход в подвал находился в десяти метрах от счётчика. Я проходил это расстояние минуту назад, цепляясь плечом за трубы. Теперь за дверным проёмом тянулась длинная пустая галерея. Её стены уходили вдаль, хотя старый дом был шириной не больше пятнадцати метров. На полу лежали одинаковые плитки. Между каждой второй не было затирки — только узкий тёмный разрез, который делался глубже, если на него смотреть.

— Пустотники, — сказал Костюм.

Вельская не отрывала глаз от галереи.

— Это должностные лица или физическое явление?

— Когда как.

— Отличный ответ для рапорта.

Первая плитка медленно поднялась. Под ней не оказалось земли. Из щели выдвинулась белая полоска, похожая на край чистой страницы. Она сложилась в прямоугольник человеческого роста. В центре прямоугольника прорезалась дырка, и

через неё я увидел часть стены на несколько метров дальше. То, что шло к нам, не было прозрачным. Оно просто вырезало из пространства всё, что должно было находиться внутри его формы.

На стене за прямоугольником проступила надпись: «ВХОД А». Тут же её половина исчезла.

— Почему они здесь? — спросил я.

— Потому что мы предъявили два разных места, — ответил Костюм. — Система пытается совместить их по единому адресу. Там, где стены не совпадают, остаётся свободный участок. Он ищет, чем себя заполнить.

— Людьми?

— Сначала метрами. Потом всем, что в них находится.

Из тёмного прямоугольника потянуло холодом. От ближайшей трубы отделился тонкий железный слой. Он не оторвался, не упал. Его словно никогда не производили. На месте бывшего крепления возникла идеально гладкая поверхность.

Вельская схватила водомерный журнал.

— Счётчик трогать нельзя. Если потеряем северный материальный след, адрес снова станет одним.

Я огляделся. Слева узкое вентиляционное окно выходило во двор, справа вдоль стены шла горячая труба. Варя уже опускалась на колени у первого поворота.

— Они появляются там, где нет одинаковой стены с другой стороны, — сказала она. — Поэтому нельзя бежать по

воображаемому коридору. Надо идти там, где мы точно стояли.

Она положила ладонь на плитку, затем на следующую, проверяя швы.

— Помнишь вход? Повернули направо от лестницы, четыре шага до ржавой трубы, ещё шесть до счётчика. Здесь была стена, а не галерея.

— Сложно не согласиться, — сказал я, — когда у меня перед глазами длиннейшая ошибка проектировщика.

— Тогда пройди сквозь собственную память, а не через их пустоту.

Я двинулся к знакомой ржавой трубе. На третьем шаге пол подался, словно покрытый тонкой резиной. Передо мной возникла белая фигура без головы. В её груди было прямоугольное отверстие, за которым виднелась чужая лестница — яркая, новая, с жёлтыми поручнями. Не наша. Южная.

Костюм резко дёрнул меня за куртку.

— Не наступай. Ты окажешься на юге с северным счётчиком в руках. И подтвердить его здесь будет некому.

Из отверстия донёсся детский голос:

— Мама, я здесь!

Я замер.

Голос повторил:

— Мама, я здесь!

За белым краем промелькнула тонкая рука в шерстяной варежке.

У меня перед глазами встал пустой стул в квартире Светланы и фотография девочки на доске объявлений.

— Ася? — выдохнул я.

Фигура наклонилась ко мне. Отверстие в её груди сделалось шире.

— Не называй, — быстро сказала Варя.

— Там ребёнок.

— Я слышу. Но мы не знаем, где он. Ты сейчас разговариваешь с дверью, за которой может быть что угодно.

Я заставил себя посмотреть на трубу. Ржавчина у неё была в форме кривого креста; я видел этот крест, когда входил. Шагнул, ухватился за горячий металл и подтянулся. На одну секунду белое пятно коснулось моего рукава. Ткань исчезла узкой ровной полосой до локтя. Кожа под ней осталась на месте.

— Очень вежливо, — выдавил я. — В следующий раз начнут с пуговиц.

Варя ударила железным концом смычка по трубе. По подвалу прокатился звон. Пустая галерея на мгновение сморщилась, и мы увидели настоящую дверь — ровно там, где она должна быть.

— Звук проходит по нашим трубам, — сказала Варя. — А там нечему звенеть. Двигайтесь по отзыву.

Мы пошли, каждый раз дожидаясь следующего удара. Вельская держала журнал над головой, как медицинскую карточку, которая могла защитить от дождя. Костюм шёл по-

следним. Когда мы добрались до двери, я обернулся.

Белая фигура стояла у водомера. В её груди появилась новая дырка, по форме очень похожая на латунный корпус счётчика.

— Они не уйдут, — сказал Костюм. — Когда начнётся нормализация, попытаются забрать весь северный узел.

— Значит, нужен человек, который останется с ним до пятнадцати, — сказала Вельская. — И не даст поменять показания.

— Я останусь, — ответил Костюм.

Я повернулся к нему.

— Вот так просто? А когда мы уйдём, ты опять расскажешь, что никогда здесь не был?

— У тебя впереди южный берег. У меня здесь есть полезный навык: когда реестр пытается убедить меня, что места не существует, я уже знаю, как долго можно ему не верить.

— Сколько?

Он взглянул на браслет из морга.

— Недостаточно.

Варя забрала у Паши метроном и поставила его на подоконник рядом с лестницей.

— Нет, — сказала она. — Одного оставлять не будем. Паша, найдёшь маму и передашь: до пятнадцати никому не заходить в подвал. А ты, — она указала на Костюма, — пойдёшь на северный узел вместе с Мирой Сергеевной. Она знает дом. Ты знаешь, что за ним охотится. Если будут пробле-

мы, уходите оба. Бумага не стоит человека.

Костюм кивнул. Так быстро, что я не поверил, будто это его настоящее решение.

Паша поднял руку, как на школьном уроке.

— А если в подъезде станет две лестницы?

— Выбирай ту, по которой можешь сосчитать ступени, — ответила Варя. — И чтобы за тобой считали другие.

Паша задумался.

— То есть мне нужен напарник?

— Нужен, — сказала она.

Мальчик расплылся в улыбке, словно его только что повысили до начальника отряда.

Мы вышли во двор. На асфальте стояли две пожарные машины, хотя Мира Сергеевна упоминала одну. Из второй не выходил никто. На её борту было написано «ЧАСТЬ № 0», а колёса не оставляли следов на мокрой земле.

— Южный дом, — сказала Нина. — Пешком через мост. Время ещё есть.

Я посмотрел на часы: 13:46.

До нормализации оставалось семьдесят четыре минуты.

Уже за углом я спросил у Вельской:

— А если она не успеет оформить оба адреса? В бумагах нас снова убьют?

— Не только вас, — ответила она. — Город уберёт противоречие самым дешёвым способом. Он очень хорошо умеет экономить на людях.

. . .



На пешеходном Старом мосту пахло рекой и холодной медью. Туман стелился вдоль воды, хотя солнце стояло высоко. В середине пролёта кто-то повесил на ограду две указательные стрелки: «МОСТОВАЯ, 14 — СЕВЕР» и «МОСТОВАЯ, 14 — ЮГ». Обе были развёрнуты в одну сторону.

— Кто это сделал? — спросила Варя.

— Городская комиссия по навигации, — сказала Вельская. — После жалобы, что курьеры доставляют товары не туда.

— Помогло?

— Курьерам перестали выдавать компенсацию за неправильную доставку.

У южного въезда на мост стоял трамвай, расписанный рекламой семейной ипотеки. Вместо номера маршрута электронное табло показывало «14». Двери были открыты, но никто не входил. Водитель сидел за рулём и смотрел на собственные руки. При нашем приближении он поднял голову.

— На север нельзя, — сказал он. — Туда вроде бы нет остановки.

— Мы с севера, — ответила Варя.

— Тогда как вы доехали?

— Спросите у географического образования, — сказал я. — Оно сегодня последний раз проходило проверку.

На южной Мостовой стояли такие же новые многоэтажки, какие строили в городе по двадцать штук в год. Двор четырнадцатого дома был ухожен: качели, дорожки, клумбы с

поздними хризантемами. На лавочке мужчина ремонтировал детский велосипед. В одном окне сушились пелёнки. Из другого доносился смех.

Здесь тоже жили люди, которым казалось, что у них просто среда.

На первом этаже висела доска с адресом: «МОСТОВАЯ, 14. ДОМ ВВЕДЁН В ЭКСПЛУАТАЦИЮ В 2023 ГОДУ». Рядом — фотография торжественного открытия. Чиновник с красной ленточкой, молодые родители, ребёнок с воздушным шаром.

Варя приблизила снимок.

— Смотрите. В левом углу. Под ногами фотографа.

На сухом асфальте лежала влажная полоска верёвки. Синяя, грубая. Я видел похожую на старом перевозном жетоне, в ободранном узле буксировочной петли.

— Это может быть что угодно, — сказал я.

— Да, — ответила сестра. — И я хочу выяснить, что именно.

Вельская позвонила в квартиру председателя домового совета. Дверь открыла высокая женщина в серой кофте, с младенцем на руках. Она посмотрела на удостоверение инспектора, затем на нас.

— Мы ничего не нарушали, — сказала она прежде, чем кто-то успел представиться.

— Пока никто не утверждает обратного, — ответила Нина.

— В прошлый раз тоже так сказали. Потом исчезла квартира одиннадцать, вместе с соседями. А на следующий день квартира вернулась, но там никто не жил. Мне запретили спрашивать, где хозяева. Объяснили, что дом числится в «переходном статусе».

— Как вас зовут?

— Инга Фомина. Это мой сын Матвей. Он родился здесь. Не в другом доме. Не на другом берегу. Здесь.

Малыш вцепился пальцами в ворот её кофты.

— Я вас услышала, — сказала Нина.

— Все слышат. До тех пор, пока не начинают считать жильцов.

Варя протянула Инге фотографию северного жетона и рисунок зайца из блокнота.

— Знаете такую игрушку?

Инга вздрогнула. Ухватилась за дверной косяк свободной рукой.

— Где вы её нашли?

— На севере, — ответила Варя. — В доме четырнадцать.

Женщина внимательно посмотрела на два ряда стежков.

— Это шила моя сестра Лера, — произнесла она. — Мы жили в маленькой квартире, пока не переехали сюда. Она оставила зайца в старом доме, когда перевозили вещи. Я думала, его выкинули.

— Сколько ей лет? — спросил я.

— Двадцать два. Она сейчас учится в другом городе. Зай-

ца шила ещё ребёнком. А почему вы нарисовали синие нитки красными? У неё было красное платье, а зашивала она синей ниткой. Всё время путала цвета.

Сестра посмотрела на меня. Два имени на одном платье больше не казались случайностью. Игрушка могла пересечь реку. А две разные семьи имели основания считать её своей.

— Мы не знаем, как он оказался там, — сказала Варя. — Но он помог найти связь между домами.

Инга прижала Матвея крепче.

— Мне не нужна связь. Мне нужен дом, который не исчезнет в пять минут, пока я укачаю ребёнка.

— Именно за этим мы пришли, — сказала Вельская.

Она показала женщине бланк второго освидетельствования. Инга прочла его от первой строчки до последней и насторожилась.

— Если подпишу, мне потом скажут, что мы жили по подложному адресу?

— Если не подпишете, кто-то сможет решить это без вас, — ответила Нина.

Инга посмотрела на малыша. Потом на фотографию дома при открытии, висевшую у лифта.

— Хорошо. Но я сначала покажу вам наш счётчик. Он у нас в подвале, и я специально храню все квитанции. После истории с квартирой одиннадцать я решила, что больше никогда никому не поверю на слово.

— Прекрасное решение, — сказал я. — Дороговато обо-

шлось, но прекрасное.

Мы спустились вниз.

В подвальном коридоре пахло бетоном, новыми красками и стиральным порошком. Счётчик нашёлся за прозрачной дверцей: «Ю-014-23». Новый, пластиковый, с заводской пломбой и датой установки 2023 года. Нина записала показания, Инга достала журнал платежей, а я расправил на полу копию северного бланка.

Два разных номера.

Две разные истории потребления.

Два разных физических дома, которые не могли быть одним сооружением, если только инженерное искусство не научилось вести водопровод через реку без трубы.

«ЦЕПОЧКА ПРАВОК: ДОСТУПНЫ ДВА НЕЗАВИСИМЫХ АДРЕСНЫХ ИСТОЧНИКА».

«Для процессуального разделения требуется непрерывность свидетельств до нормализации».

Вельская посмотрела на часы.

14:28.

Тридцать две минуты.

Она набрала Костюма. Гудки длились дольше обычного. Наконец из трубки донёсся его голос:

— Северный водомер на месте. Мира Сергеевна со мной. Паша выводит людей. У нас сначала исчез второй этаж. Теперь он вернулся, но на лестнице кто-то стоит лицом к стене.

— Не трогайте его, — сказала Варя, наклонившись к те-

лефону.

— Мы и не собирались, — ответил Костюм. — Никита, слушай. Есть то, чего я раньше не сказал.

Я почувствовал, как рядом напряглась сестра.

— Ещё? Составь уже каталог, — ответил я.

— Южный дом построен на основании несуществующего пожара. Но тот пожар был реальным. Просто он случился не там, где у вас в документах.

— Где?

В трубке раздался треск, похожий на разрыв ткани.

— В том месте, которое связывает оба берега. На переправе. И если сегодня они восстановят точную цепь событий, мост между домами станет тем, чего в плане никогда не было.

— Костюм, — сказал я, — что это означает для нас?

Он ответил не сразу.

— Означает, что кто-то должен остаться у северной двери, когда её перестанут считать дверью.

Связь оборвалась.

Из потолочной лампы выпала белая искра.

Потом ещё одна. Свет не погас, но тень Инги на стене исчезла. Следом пропала тень её сына. Малыш заплакал, будто первым заметил, что с его матерью что-то не так.

Нина разложила бумаги прямо на стиральной машине, стоявшей у стены.

— У нас есть два счётчика, две домовые книги и две пары

свидетелей. Для обеспечительной меры этого недостаточно. Нужно ещё доказательство, что между адресами существует граница, а не редакционная дубликация помещений.

— Река шириной двести метров не считается? — спросил я.

— В реестре она проходит по коридору одного дома.

— Тогда остаётся насыпать туда песка.

Варя перевернула металлический жетон, который мы взяли у Миры Сергеевны для исследования. На одной стороне были сточенные цифры, на другой — две черты через ноль.

— Переправа ноль, — сказала она. — Не дом. Переправа.

— Что?

— Наши дома получили один адрес, потому что когда-то их связывал перевоз. Это не доказательство, что они были одним домом. Это доказательство, что между ними была дорога. Посмотрите на черты: они не перечёркивают ноль. Они соединяют два берега.

Нина сжала переносицу.

— Если найдём паспорт переправы с двумя разными точками причаливания, это будет третий независимый источник. Не связанный ни с нынешним реестром, ни со счётчиками.

Инга положила ладонь на плечо Вари.

— У нас внизу есть старый щиток телефонной линии. Когда строили дом, обещали демонтировать, но кабель ушёл под реку. Его оставили как резервный для аварийного опо-

вещения. На прошлой неделе он сам зазвонил. Муж сказал, что это сосед проверял проводку.

— Где щиток? — быстро спросила сестра.

Инга показала на узкий шкаф в торце коридора. Внутри, за новой пластиковой коробкой, висел чёрный бакелитовый телефон с ручкой для вызова. Над ним красовалась медная табличка: «ПЕРЕПРАВА № 0. ЮЖНЫЙ ПОСТ».

Варя сняла трубку. Я увидел, как она набирает воздух, и впервые за день её испуг был почти приятным: она испугалась задачи, которую можно решить.

— Где Северный пост? — спросила она у Нины.

Инспектор уже набирала Мире Сергеевне по мобильному. Ответил Паша.

— Бабушка у водомера, — сообщил он. — А мужчина, который как другой мужчина, пошёл к будке у пристани. Он сказал, что надо искать телефон без экрана. Я с ним. Кстати, у нас полтора лестничных пролёта пропало, но кот дома.

— Паша, найдите на будке медную табличку, — сказала Варя. — На ней должно быть написано «Северный пост». Если найдёте, крутите ручку три раза. Мы будем слушать.

Связь захрипела.

— А как вы поймёте, что это мы, если я не скажу имя? — спросил мальчик.

— Ты придумаешь код, — ответила сестра. — Только такой, которого никто другой не знает.

На южном посту она прислонила ухо к тяжёлой трубке.

Звук прошёл по проводу так тихо, что остальным пришлось замолчать.

Раздался первый звонок. Потом второй. Третий.

— Север, слышно, — сказала Варя.

В трубке заговорил Паша:

— Код: у нашего кота три белых уса и один рыжий. Если кто скажет четыре белых, не верьте. Я пересчитал.

Варя засмеялась. Коротко, нервно, но по-настоящему.

— Северный берег установлен, — произнесла она в сторону Вельской. — Мы звоним из южного. Два разных поста. Между ними — кабель переправы.

Нина приложила к трубке свой механический секундомер, а к бланку — карандаш. Инга, не отпуская ребёнка, подтвердила: из её южного подвала выходит провод, другого выхода нет. Вельская записала номер оборудования и надпись на табличке. Мне оставалось подписать собственное свидетельство о том, что мы слышали голос Паши из северного поста, но я остановился.

— Я юридически один человек с Костюмом, — сказал я. — Он у вас там. Если я распишусь здесь, они объявят, что мы присутствовали на двух берегах одновременно. Это ведь не независимое свидетельство.

Вельская посмотрела на меня — впервые без привычного недоверия.

— Вы наконец начали замечать слабые места своих доказательств. Горин, подпишите только получение звукового

сигнала, без удостоверения северного присутствия. Оно уже подтверждено Рябовой и ребёнком. А здесь — Фомина. Две самостоятельные истории, не ваш удивительный биологический казус.

Нина заполнила три бланка. Один оставался Инге, второй она вложила в папку. Третий, на тонкой копировальной бумаге, должен был отправиться на север по старой телефонной линии. Перекинуть лист через провод, разумеется, было нельзя. Зато Костюм уже стоял у местного терминала и мог вручную зачитать номер обеспечительной меры Мире Сергеевне. Вельская продиктовала его дважды, Паша повторил обратно без единой ошибки.

14:49.

Я посмотрел на «Цепочку правок». Подтверждённые факты складывались в понятную последовательность: сначала два земельных участка с причалами, потом пожар на переправе, затем строительство южного дома под единственным оставшимся адресом и одновременное сохранение северной домовой книги. Кто-то не просто перепутал дома. Кто-то воспользовался старым названием пути, чтобы объявить два берега одной точкой.

Не было ни имени автора правки, ни ответа, зачем это сделано. Способность не собиралась за меня решать загадку.

Нина поставила печать.

«ХОДАТАЙСТВО О ВРЕМЕННОМ РАЗДЕЛЕНИИ АДРЕСОВ ПРИНЯТО».

«Условие исполнения: непрерывное физическое удостоверение обоих объектов в 15:00».

— То есть мы должны стоять на местах, пока город не перестанет делать вид, что одно — это другое? — уточнил я.

— Да.

— Звучит как вся моя прежняя работа.

В этот момент из телефонной трубки раздался другой голос.

Не Паши. Не Костюма.

Тонкий девичий голос, едва различимый среди треска:

— Мама, я здесь.

Светлана Беляева была далеко, на северном берегу. Но я отчётливо услышал, как она закричала где-то за голосом:

— Ася!

Варя прижала ладонь к трубке, чтобы я не потянулся к ней.

— Что там? — спросил я.

Паша ответил сдавленно:

— У нас на лестнице девочка. В варежке. Она говорит, что живёт в этой квартире. Все смотрят на неё. А от неё тянется белая дорожка прямо в подвал.

Костюм взял трубку.

— Никита, слушай внимательно. Это может быть Ася. Не запись голоса. Не проекция. Я не знаю. Но если мы сейчас заявим о восстановлении ребёнка как жильца первичного северного дома, суд автоматически подтвердит первоначаль-

ное право собственности. Южный перестанет существовать. Я видел похожий итог.

Инга прижала ребёнка к себе так крепко, что он недовольно пискнул.

— А если не заявим? — спросил я.

— Девочка может снова исчезнуть. Возможно, прямо при матери.

Пять минут назад мне казалось, что мы нашли красивое решение. Два счётчика, два участка, две подписи — и реальность, услышав убедительный отчёт, признает свою ошибку. Я смотрел на Матвея, который тянулся к медной табличке. На Ингу. На Варю, не отпускавшую трубку. И слышал издалека плач женщины, которой на несколько секунд вернули ребёнка.

— Назовите её, — сказал я наконец в трубку. — Светлана должна успеть назвать её. Не как юридическую запись. Как мать. И запишите, что видели. Сколько человек может подтвердить, что она там?

— Пятеро, — ответил Паша. — Шестеро, если кота считать.

— Пятеро достаточно. Мы не будем утверждать, что оба берега — один дом, только чтобы вернуть одну запись. Но и не согласимся, будто Аси не было.

Костюм тяжело выдохнул.

— Значит, ты выбираешь оставить её там.

— Я выбираю не оплачивать её жизнь тридцатью одной

чужой, — ответил я. — Это не одно и то же.

В трубке стало слышно, как Светлана говорит дочери что-то очень простое: «Я здесь. Я тебя вижу». Потом звук оборвался. Не треск связи — тишина после того, как кто-то перестал отвечать.

— Что с ней? — спросил я.

Костюм не сказал ни слова.

Потом вернулся Паша:

— Девочка ушла туда, где лестница была белая. Но она оставила варежку. Настоящую. У нас в руках.

Я сжал лист северных показаний так, что бумага хрустнула. Это была победа, за которую никто не имел права благодарить.

14:58.

На потолке южного подвала выступили ржавые потёки, хотя трубы были новые. Из дверцы со счётчиком пошёл дым. Сначала он заполнил верхнюю часть коридора, потом вырезал в воздухе ровный прямоугольник. За ним показался северный подвал — латунный водомер, банки с огурцами и Костюм, сжимающий телефонную трубку.

Он стоял не в двухстах метрах от нас, а словно по другую сторону стекла.

— Не подходи! — крикнула Варя.

Поздно. Инга увидела за прямоугольником женщину в синем халате, которая прижимала к груди маленькую шерстяную варежку. Светлана увидела нас. Она сделала шаг в нашу

сторону, не понимая, что проходит через дверь, которой не существует.

Край белого проёма коснулся её плеча. Халат исчез с рукава. Кожа осталась, но теперь под ней просвечивало нечто похожее на застывший снег.

Я рванулся вперёд. Варя ударила смычком по медной трубе. Звон разорвал тишину на две разные ноты: низкую, северную, и высокую, южную. Пространство между ними дрогнуло.

— Нина! — закричала сестра. — Удостоверяйте! Сейчас они разные!

Вельская подняла северный и южный бланки так, чтобы оба помещения были видны через разрыв, и громко прочла номера водомеров. Сначала «Н-014-77». Потом «Ю-014-23». Мира Сергеевна с северной стороны повторила первый номер. Инга подтвердила второй. Слова ударялись о две разные бетонные стены и возвращались с разным эхом.

На часах было 15:00.

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ НОРМАЛИЗАЦИЯ НАЧАТА».

Северный подвал начал расплываться. Я увидел, как из-под ног Костюма исчезает плитка. Он отпустил трубку и толкнул Светлану назад, к Мире Сергеевне. Женщина упала на колени, выронив варежку. Мира подхватила её и оттащила от белой границы.

Костюм остался по ту сторону.

— Выходи! — закричал я.

Он посмотрел на меня. В его глазах не было героического спокойствия. Он боялся. Я знал это, потому что страх ощущался даже в моей собственной груди, словно две версии одного сердца на секунду отбили один ритм.

— Если я перейду, — сказал он, — на севере не останется человека, связанного с делом номер один. Они назовут наше освидетельствование внешним наблюдением и закроют его.

— Там Мира! Там Паша!

— Да. Они сохранят дом. А я должен сохранить связь этого дома с нами.

— У нас был договор! — крикнула Варя. — Не оставаться одному!

— Я не один, — ответил Костюм.

Он указал на Миру Сергеевну, которая уже помогала Светлане подняться, и на Пашу, державшего у груди кота.

— Мне даже обещали награду за эвакуацию.

Вельская ударила печатью по обоим бланкам.

«ВОЗРАЖЕНИЕ ПОДТВЕРЖДЕНО».

«Установлены два самостоятельных физических адреса».

«Временный статус: СЕВЕР / ЮГ».

«ИСКЛЮЧЕНИЕ ЖИЛЬЦОВ ПРИОСТАНОВЛЕНО ДО 12.11, 03:17».

Белый проём схлопнулся, как захлопывается папка. Вместе с ним исчез северный подвал. Перед нами осталась бетонная стена. На ней медленно проступили две мокрые полосы, сходящиеся в ноль.

Я стоял, прижав ладони к холодной поверхности.

С той стороны больше не было видно никого.

Варя аккуратно положила смычок в футляр. У неё дрожала нижняя губа, но голос оставался ровным.

— Мы обещали не оставлять его, — сказала она.

— Я знаю.

— Он нарушил договор.

— Знаю.

— И спас людей.

Я не ответил. Впервые за день я был благодарен ей за то, что она не требовала выбрать одну из этих правд.

Телефон в моём кармане завибрировал. На экране возникло сообщение от неизвестного отправителя:

«СЕВЕРНЫЙ АДРЕС ДОСТУПЕН ТОЛЬКО ПО ВРЕМЕННОМУ УДОСТОВЕРЕНИЮ».

«СВЯЗЬ С ЭКЗЕМПЛЯРОМ ПРЕДЫДУЩЕЙ РЕДАКЦИИ: НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА».

Я не почувствовал онемения или боли в чужой левой руке. В первый раз с утра это должно было обрадовать.

Не обрадовало.

. . .

Мы вышли из южного дома через полчаса. Инга с Матвеем поднялась наверх, живая и злая на всех представителей государства. Нина обещала предоставить ей копию обоих ак-

тов, и женщина сказала, что повесит их на дверь вместо коврика. Варя настояла, чтобы Инга оставила записку Лере об игрушке. Если швы на зайце связывали разные истории, отмахиваться от них было слишком опасно.

Снаружи Нива текла как прежде. Машины ехали через автомобильный мост, над северными крышами поднимался обычный дым из труб. Но пешеходный Старый мост больше не отражался в воде. Его перила были видны, на них шли прохожие, а под ними лежала чистая река, словно кто-то аккуратно стёр изображение моста на плёнке.

— Это временно? — спросил я.

— Не знаю, — сказала Вельская. — Мы разделили адреса. Но участок, который соединял их, остался спорным. До слушания система не обязана признавать переход между берегами.

— Значит, Костюм там заперт.

— Пока — да.

Она достала из папки новую распечатку. Бумага была тёплой, словно её только что вынули из принтера, хотя сам принтер находился в её машине, оставшейся у метро.

— Что ещё? — спросила Варя.

Нина долго молчала. Потом развернула лист к нам.

«ПРОТОКОЛ № 000001. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЧИНЫ АДРЕСНОГО РАСХОЖДЕНИЯ».

«Объекты: Мостовая, 14 (север); Мостовая, 14 (юг)».

«Непосредственная причина: пожар на переправе № 0».

«Правка реестра: замещение исходного места события и объединение адресных объектов».

Ниже была строка, которой раньше не существовало ни в одном из наших документов.

«ЛИЦО, ИНИЦИИРОВАВШЕЕ ПЕРВИЧНУЮ ПРАВКУ: ГОРИН НИКИТА АНДРЕЕВИЧ».

«Возраст на момент подачи: 15 лет».

«Дата заявления: 12.11.2014».

Варя перечитала строчку два раза.

— Бинт, — сказала она. — В тот день отец пропал.

Я смотрел на собственное имя. Пятнадцатилетний я не умел менять лампочку в прихожей без помощи соседа. Не знал ничего о реестре, редакциях и судах. И всё-таки рядом с заявлением стояла моя подпись — неровная школьная, с кляксой над буквой «и».

— Это подделка, — сказал я.

«ЦЕПОЧКА ПРАВОК: ПОДМЕНА ПОДПИСИ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА».

«ИСТОЧНИК ЗАЯВЛЕНИЯ: НЕ УСТАНОВЛЕН».

Я уже научился не путать отсутствие доказанной подделки с доказанной правдой. Но остальные строки я прочитал совершенно отчётливо.

«Последствия первичной правки: 62 действующих адресных записи».

«Дополнительное последствие: исключение семи свидетелей пожара».

«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНИЦИАТОРА: ПОДЛЕЖИТ УСТАНОВЛЕНИЮ».

Нина очень медленно убрала бумагу.

— С завтрашнего слушания ваши два экземпляра могут переквалифицировать в два носителя одного виновного, — сказала она. — Это уже не дело о вашем праве жить. Это дело о том, за что вы отвечаете.

Варя посмотрела на северный берег. Старый дом четырнадцать отсюда не был виден. Между нами и Костюмом лежала вода, через которую не проходили ни телефонные звонки, ни чужая боль.

— Значит, завтра они захотят не просто выбрать одного Никиту, — сказала она. — Они заставят одного отвечать за всех.

Я хотел возразить. Но на экране телефона, поверх сообщения о двух адресах, появилась новая строка. Без печати, без имени отправителя.

«ЗАЯВЛЕНИЕ ПРИНЯТО. ПОДТВЕРДИТЕ, ЧТО ВЫ ПОМНИТЕ, КАК НАПИСАЛИ ЕГО».

Под строкой мигала кнопка «ДА».

Я держал телефон, не касаясь экрана.

Потому что в глубине памяти уже шевельнулось какое-то давнее ноябрьское утро. Школьная тетрадь. Холодные пальцы. И взрослый голос, просивший меня подписать лист, который обязательно спасёт Варю.

Голос был отцовский.

Но я не помнил, спас ли он её.

Глава 5
Реестр виновных



Кнопка «ДА» на моём телефоне была размером с ноготь. Удивительно, сколько человеческих жизней можно уместить под одним ногтем, если доверить оформление городским властям.

Я не нажал.

Надпись «ПОДТВЕРДИТЕ, ЧТО ВЫ ПОМНИТЕ» мига-

ла, словно кто-то терпеливо ждал, пока я признаюсь в преступлении, о котором не знал пятнадцать минут назад и которое якобы совершил двенадцать лет назад.

— Убери телефон, — сказала Варя.

Мы стояли у южной набережной. На другом берегу Нивы медленно густели сумерки. Под пешеходным мостом по-прежнему не было отражения; по воде скользили только отражения людей, переходивших по самому мосту. Неплохая иллюстрация к нашей семье: люди есть, дороги между ними — под большим вопросом.

— Я не собираюсь нажимать.

— Ты смотришь на неё так, будто думаешь, что должен.

— Я думаю, что мне хотят продать воспоминание о том, чего я не помню. Должен признать, ассортимент расширяется.

Варя отвела взгляд. Ещё утром она непременно ответила бы что-нибудь про мозги в отделе уценённых товаров. Теперь её молчание обжигало сильнее любой шутки.

Вельская положила мне руку на локоть. Не по-дружески — как врач, который не позволит пациенту выдернуть иглу раньше времени.

— Зафиксируйте отказ, — сказала она. — Собственными словами, не через предложенную форму.

Я достал блокнот, которым пользовался ещё в Бюро возврата утраченного имущества, и написал: «11 ноября, шестнадцать часов семь минут. Получил запрос подтвердить па-

мять о заявлении от 12.11.2014. Ничего не подтверждаю, поскольку не помню содержания заявления. Отсутствие воспоминания не является признанием и не означает, что события не было». Подписался. Перечитал.

— Слишком грамотно для меня, — сказал я.

— Значит, будет легко отличить от подделки, — заметила Варя.

Нина поставила рядом время по своим механическим часам и подпись. Взяла блокнот так, чтобы мы оба видели написанное, затем вернула мне.

Телефон завибрировал.

«УЧТЕНО ВНЕСИСТЕМНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ».

«ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПАМЯТИ НЕ ПОЛУЧЕНО».

«ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ № 000001 ПЕРЕДАНО В РЕЕСТР ВИНОВНЫХ».

Ниже появился значок маленькой чёрной папки. Когда я коснулся его, экран потемнел и выдал список.

«ИНИЦИАТОР: ГОРИН Н. А.».

«ЗАВИСИМЫЕ ЛИЦА: 62».

«ИСКЛЮЧЁННЫЕ СВИДЕТЕЛИ: 7».

«ОБЯЗАННОСТЬ ПРЕДСТАВИТЬ ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ: ДО 17:00».

«ПРИ ОТСУТСТВИИ — ВИНА СЧИТАЕТСЯ НЕОСПОРЕННОЙ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ».

— Их слушание назначено на три семнадцать, — сказал я. — Мы это уже проходили.

— Это не слушание, — ответила Вельская. — Предварительная запись ответственности. Чтобы к слушанию было что взыскивать.

— С кого? С меня?

— С любого, кого признают обязанным отвечать по первичной правке. А из-за общей юридической личности — с обоих вас.

Я посмотрел на север. Где-то за мостом оставался Костюм, второй экземпляр меня, который знал слишком много и всё равно не сумел объяснить, почему решил остаться на другом берегу. Может быть, он сейчас точно так же держал телефон с такой же чёрной папкой. А может, ему было не до неё.

— Семь свидетелей — это семь исчезнувших людей? — спросила Варя.

— В протоколе именно так.

— Почему тогда файл называется «Виновные»?

Нина не ответила сразу. Она смотрела на свой служебный планшет. На экране ползли строки, которых мне не было видно.

— Потому что кто-то уже внёс их в другую графу, — наконец сказала она.

Она повернула экран.

«СООТВЕТЧИКИ ПО ПЕРВИЧНОЙ ПРАВКЕ».

Семь строк. Шесть с фамилиями, седьмая — белая, но в ней виднелось место, куда должна была лечь подпись. Рядом

с каждой фамилией значилось: «Отсутствует. Возражений не поступило».

— Они исключены, — тихо сказала Варя. — Как они могли возражать?

— Теперь вы понимаете, почему мне не нравится эта процедура, — ответила Вельская.

Из ближайшего городского информационного табло донёсся треск. Ещё минуту назад на нём горела реклама страхования квартиры. Теперь вместо семейной пары с довольной собакой появились мои паспортные данные и надпись:

«ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ИНИЦИАТОР АДРЕСНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ».

Мимо проходившая женщина остановилась и посмотрела то на табло, то на меня. Потом крепче взяла ребёнка за руку.

— А можно хотя бы фото неудачнее? — спросил я. — Выглядит так, будто я лично придумал канализацию.

Женщина быстро увела сына.

Варя повернулась ко мне.

— Ты видишь, что они делают?

— Вижу.

— Тогда перестань превращать это в анекдот.

— Если я перестану, мне придётся испугаться.

— А я, по-твоему, не боюсь?

Она сказала это без злости. И именно поэтому я не нашёл ответа.

Откуда-то сверху доносился вечерний звон трамвая. На

северном берегу часы церковной башни показывали без пяти четыре, хотя на моём телефоне было шестнадцать десять. Я уже не знал, в который из этих часов верить. Но у всех часов, которые верили городским властям, оставалось пятьдесят минут.

— Куда идти? — спросил я Нину.

— В приёмный зал Реестра виновных. Бывший почтамт. Там должны храниться материалы, на основании которых сделали запись.

— И они просто дадут нам их посмотреть?

— Нет.

— Нина, я начинаю ценить вашу способность мотивировать людей.

— Там публичная запись. Если мы придём до её окончания, сможем требовать удостоверения источника.

— А если не успеем?

Она посмотрела на другое уведомление, появившееся у неё на планшете.

«ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ: ОТМЕНА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ СЕВЕР / ЮГ».

— Тогда сегодняшняя победа у двух Мостовых потеряет силу, — сказала она. — И в семнадцать часов северный дом останется без нашего акта. Как раз когда там снова начинается пожар.

. . .



До бывшего почтамта мы добрались на служебной машине Нины. Я сидел сзади, рядом со скрипичным футляром Вари, и следил за каждым перекрёстком. Город, который ещё утром пытался незаметно вычеркнуть меня из транспортной системы, теперь старательно демонстрировал моё существование. На трёх светофорах подряд появились мои фамилия и инициалы.

На четвёртом кто-то мелом написал под ними: «КОГДА ВЕРНУТ ЛЮДЕЙ?».

Я отвернулся.

Варя заметила.

— Не все вопросы — обвинения, — сказала она.

— Этот, кажется, можно распечатать на повестке.

— Нет. Там написано «когда вернут». Человек ждёт ответа, а не крови.

У неё была неприятная привычка различать вещи, которые мне удобнее было считать одинаковыми.

Бывший почтамт располагался между управлением имущественного надзора и старым театром. Архитектор когда-то украсил фасад шестью каменными ангелами. У каждого в руках был конверт, но теперь конверты висели открытыми, как раскрытые рты. Под ними появилась новая вывеска: «РЕЕСТР ВИНОВНЫХ. КАЖДОМУ — СВОЁ».

Раньше здесь писали письма живым и мёртвым. Теперь, судя по всему, начали разбираться, кому из них выставлять счёт.

Внутри пахло влажной бумагой, мокрыми пальто и дешёвым кофе. Вдоль стен тянулись деревянные скамейки. На одной плакала женщина, прижимая к груди упаковку детских носков. На другой старик доказывал сотруднику, что не мог передать соседу гараж, потому что гараж снесли ещё в девяносто восьмом. Сотрудник отвечал, что снос не исключает передачи права собственности.

Никогда ещё я не чувствовал себя настолько дома.

В центре зала стоял массивный стол с семью пустыми креслами напротив. За столом сидела женщина лет пятидесяти в тёмно-зелёной форме без погон. Волосы собраны в аккуратный узел. На переносице след от очков, которых на ней не было. Она не выглядела злодейкой. Она выглядела человеком, который способен запретить вам умирать до окончания рабочего дня.

Нина представила её прежде, чем я успел открыть рот:

— Старший регистратор Далия Игоревна Котова. Она проводит предварительную запись по делам, которые не могут ждать судебного слушания.

— Инспектор Вельская, — сказала Котова. — На вас уже жалоба. Две, если учитывать вчерашнюю.

— Я принесу третью, если вы не покажете материалы.

Котова только кивнула на мои руки.

— Ответчик, документ.

— Какой предпочитаете? — спросил я. — Паспорт живого, справку мёртвого или свидетельство, что нас двое и всё

это один человек?

— Любой. Пока существует его оригинал.

Я протянул паспорт. Котова не взяла. Вместо этого она положила на стол тонкий лист, на котором проступило моё имя.

— Горин Никита Андреевич, явка удостоверена. Обязанность опровергнуть первичное участие возложена на вас. Прошу ознакомиться с составом вины.

Семь пустых кресел одновременно заскрипели.

Варя схватила меня за рукав.

На сиденьях никого не было. Но в каждом медленно продавилась обивка — словно невидимые люди сели и приготовились слушать дело, в котором их уже признали виноватыми.

— У вас мебель впечатлительная, — сказал я.

Котова подняла глаза.

— Здесь места для участников, которые были исключены из действующей редакции. Временная регистрация их ответственности даёт делу опору. Без неё вы будете спорить с пустыми графами.

— Может быть, сначала стоит выяснить, кто их исключил?

— Для этого и нужно установить лицо, обязанное отвечать за исключение.

— А для этого вы сначала объявляете виновными исключённых?

— Я объявляю их участниками процедуры. Слова имеют значение, Горин.

— Обычно когда ими перестают пользоваться по назначению, это как раз говорит человек со штампом.

Она слегка поморщилась. Не от шутки. От того, что услышала знакомую ей претензию в тысячный раз.

— Вы читали условия своего возражения? До семнадцати часов вы вправе представить независимое свидетельство того, что не инициировали исходную правку. Если нет — мера обеспечения вступит в силу, даже при отсутствии окончательного решения о вине. Я не судья, чтобы отменять процедуру своим сочувствием.

— А если процедура построена на поддельном заявлении?

— Тогда вы должны доказать подделку.

— Или хотя бы доказать, что перед нами не подлинник, — сказала Варя.

Котова взглянула на неё внимательнее.

— А вы?

— Человек, которому вчера пытались поручить выбирать, кто из двух братьев останется жить. Суд признал, что мне шестнадцать и такое решение нельзя перекладывать на меня. Можете проверить.

— Я и так знаю, кто вы, Варвара Андреевна.

— Тогда вам будет нетрудно не просить меня подписывать ничего за них.

Котова помедлила, а затем повернула к нам первый лист

из папки.

Он выглядел старым. Бумага жёлтая, углы потемнели, на сгибе бурое пятно. Внизу — подпись пятнадцатилетнего Никиты Горина, удивительно похожая на мою школьную. Я даже вспомнил, как однажды получил двойку за то, что вывел букву «Г» до неприличия похожей на виселицу.

«ЗАЯВЛЕНИЕ О ПЕРЕНОСЕ ИСХОДНОГО СОБЫТИЯ».

«Место: переправа № 0».

«Дата: 12 ноября 2014».

«Прошу признать первичным адресом объект Мостовая, дом 14».

«Подписант: Н. А. Горин».

Между словом «прошу» и подписью была слишком широкая полоса чистой бумаги. Как будто прежде там помещалось что-то ещё.

Я присмотрелся к краю листа. На левом поле стоял номер формы «РВ-7/19».

— Форму с таким номером использовали в две тысячи четырнадцатом? — спросил я.

— Это архивная копия, — ответила Котова. — Выполнена по действующему стандарту воспроизведения.

— Значит, перед нами не исходное заявление.

— Перед вами удостоверенная его редакция.

— Кем удостоверенная?

Она развернула лист, показывая последнюю страницу.

Там стояла машинная отметка:

«ДОСТОВЕРНОСТЬ ПОДТВЕРЖДЕНА РЕЕСТРОМ».

— Реестром, который обвиняет меня, — сказал я. — Очень экономно. Сам написал, сам подтвердил, сам прислал похоронный счёт.

— Вашу смерть я не оформляла, — сухо сказала Котова.

— Значит, у меня хотя бы два постоянных клиента.

Варя вдруг вытянула руку и указала на пустую полосу.

— Можно посмотреть под косым светом?

Котова покачала головой.

— Не прикасаясь.

Нина достала карманный фонарик. Варя пригнулась над столом так близко, что её коса коснулась лацкана пальто. Луч скользнул по желтоватой бумаге. На чистой полосе появились слабые поперечные бороздки.

— Это не снято с обычного листа, — сказала она. — Похоже, копировали документ, на котором сверху лежало что-то ещё.

— Или с которого стёрли часть текста, — сказал я.

— Или со старого стекла, — возразила Варя. — Не выдумывай вывод заранее.

Меня неприятно кольнула гордость. Она умела одновременно помогать и не позволять мне быть умнее всех только по семейной должности.

Я вызвал «Свидетельство». Лист подсветился узкими полосами. Появилось прошлое положение сгиба, чуть более

тёмная печать, а затем сухая надпись:

«ОБЪЕКТ ДОКУМЕНТА: ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ».

«ДАННЫЕ ОБ ИСХОДНОМ НОСИТЕЛЕ: ОТСУТСТВУЮТ».

«ПЕРИОД ДОСТУПНОГО НАБЛЮДЕНИЯ: 24 ЧАСА».

Ни имени того, кто принёс оригинал, ни изображения старого документа. Я уже знал, что эта функция не умеет превращать отсутствие данных в победу.

— Нина, — сказал я. — У вас есть акт, который удостоверяет, откуда эта копия поступила?

Вельская протянула руку.

Котова помолчала. Потом раскрыла маленькую металлическую коробку и вынула оттуда номерную карточку.

«Поступило из городского шестого отдела. Основание: предварительное установление № 000001. Носитель-источник: предмет утрачен, поиск продолжается».

— Подождите, — сказала Варя. — Вы воспроизводите документ, оригинал которого сами объявили утраченным?

— Архив может восстанавливать реквизиты по косвенным записям, — сказала Котова. — Это предусмотрено правилами.

— Тогда перед нами восстановленные реквизиты, а не свидетельство того, что мой брат произнёс слово «прошу».

Впервые за всё время регистратор не нашла ответа сразу.

Вельская положила рядом составленный ею акт: «Исходный документ не предъявлен. Факт непосредственного во-

леизъявления несовершеннолетнего не подтверждён». Дата, время и подпись.

Котова прочла и сдвинула бумагу в сторону.

— Этого недостаточно. Достаточно будет материального источника, который невозможно получить из той же восстановленной записи. До семнадцати ноль-ноль. Иначе ваш акт остаётся мнением следователя.

На часах над залом было 16:29.

— Я знаю человека, который всю жизнь занимался утраченными вещами, — сказал я. — И почему-то до сих пор жив.

— Это тот, у кого ты работаешь? — спросила Варя.

— Если сейчас выяснится, что нет, моя трудовая книжка наконец станет честной.

Я набрал Семёна Ильича.

Он снял трубку после двух гудков.

— Горин, ты уволен, — сообщил начальник.

— Здравствуйте, Семён Ильич. Я тоже рад вас слышать.

— У нас из шкафов исчезли фотографии сотрудников, зато через час у дверей нарисовали твою рожу. Это что, новая форма рекламы?

— Почти. Мне предлагают ответить за городскую перепланировку двенадцатилетней давности.

— Хорошо, что я всегда подозревал. Ты и чайник-то на место не ставил.

— Нам нужен акт о поступлении старой бумаги. Любой из

ваших настоящих журналов, где видно, когда и откуда принесён утраченный документ. В частности, серый чемодан, о котором вы говорили.

Семён Ильич замолчал.

— Ты возле старого почтамта?

— Да.

— Ты знаешь, что за вещь этот чемодан?

— Нет.

— Вот и я не знаю. Это меня тревожит куда сильнее. Я ведь читал опись. Трижды.

— И что там?

— «Вложение не принимается по факту смерти». Кто-то очень хотел, чтобы хранитель прежде спросил, жив ли тот, кто вещь потерял. Честно сказать, мне стало любопытно, какую ответственность несёт работник за неправильный ответ.

— Не несите его сюда, — поспешно сказала Нина, услышавшая разговор. — Привезите только бумажный журнал поступлений. С двумя подписями, если он существует.

— Следователь, у меня все журналы с двумя подписями. Это у вас одни подписи и много самоуверенности.

— Семён Ильич, — сказал я, — пожалуйста, просто привезите журнал.

— Журнал привезу. И ещё одну вещь. Она сегодня утром пыталась вернуться к прежнему владельцу, но прежнего владельца не существует по вашим бумажкам. Не люблю, когда вещи умнее людей.

Связь оборвалась.

Котова смотрела на меня, как на человека, который вызвал в суд свидетеля с банкой огурцов.

— Помощь сотрудника склада не снимает вашей обязанности отвечать.

— Я не просил снять, — сказал я. — Только перестать считать её доказанной, пока вы не нашли оригинал.

— Пока не найден оригинал, вы остаётесь обязанным. Так устроен Реестр виновных.

— А ваши семь невидимых обвиняемых тоже обязаны?

— Они представлены в деле.

— Отличная карьера. Сперва человека вычеркнули, потом вернули — чтобы он оплатил собственное исчезновение. Наверное, для них и таблички на дверях приготовили: «виновен в отсутствии по уважительной причине».

Пустые кресла скрипнули громче. На первом из них в воздухе проявилась бледная ладонь. Чуть выше — рукав с оторванной пуговицей.

Я замолчал.

Котова резко выпрямилась.

— Горин. Повторите последнюю фразу.

— Я пошутил.

— Повторите дословно.

На стене над столом загорелась новая строка:

«ПРИЗНАНА СВЯЗЬ МЕЖДУ ИСКЛЮЧЕНИЕМ И ВИНОВНОСТЬЮ».

«ОСНОВАНИЕ: УСТНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ОБЯЗАННОГО ЛИЦА».

Нина ударила ладонью по столу.

— Возражаю! Он не давал объяснения по существу обвинения. Это оценочное высказывание.

— Он сам связал два понятия, — сказала Котова. — В публичной записи словам придаётся процессуальный смысл.

Я почувствовал, как у меня пересохло во рту.

У семи пустых кресел появились тени на полу. К одной тени пририсовалась бирка: «Е. ФИЛАТОВ, СВИДЕТЕЛЬ — СООТВЕТЧИК». У другой — «Р. ПАШКОВА». Они не становились людьми; их отсутствию просто подбирали удобное объяснение.

— Я сказал это, потому что так нелепо, — произнёс я.

— А теперь, — тихо сказала Варя, — нелепость записали за ними. Поздравляю. Ты наконец стал самым смешным человеком в зале.

Она подошла к первому креслу и осторожно отодвинула его от стола. Скрип прекратился. Но бледная ладонь осталась висеть в воздухе, словно ждала, что кто-нибудь поможет её владельцу подняться.

— Я не это имел в виду, — сказал я.

— Знаю. Ты вообще всегда имеешь в виду что-то другое, когда людям больно.

Это было несправедливо. И, хуже того, не совсем.

Вельская коротко взглянула на механические часы.

16:38.

— У нас двадцать две минуты, — сказала она. — Больше никаких слов без свидетеля и документа. Даже очень остроумных.

Я кивнул. И впервые за всё утро по-настоящему захотел, чтобы кто-нибудь заткнул мне рот.

— Скажите мне их имена, — попросила Варя.

Котова перестала листать бумаги.

— Зачем?

— Вы назвали их соответчиками, но фамилии показываете по одной, как ценники в магазине. Я хочу знать, кого вы посадили перед нами.

— Полный список может вызвать распространение недостоверных сведений.

— Вы их уже обвинили, — сказала Варя. — Теперь боитесь произнести вслух?

В зале стало тише. Даже старик с гаражом замолчал.

Котова подвинула папку.

— Егор Дмитриевич Филатов, дежурный на переправе. Раиса Павловна Пашкова, контролёр проходного пункта. Олег Семёнович Левин, электромонтёр. Людмила Олеговна Маркова, кассир. Анатолий Степанович Дубин, ремонтник. Мирослав Фёдорович Нечаев, проводник. Седьмой — не установлен. В первичной записи есть отметка о присутствии, но фамилия исключена полностью.

— А где они сейчас?

— В действующей редакции не числятся.

— Я спросила не это.

Котова сложила руки.

— Я не знаю, Варвара Андреевна.

Это прозвучало впервые не как ответ чиновника. Просто как признание человека, который не знает.

Варя кивнула и достала кассетный диктофон матери. Проверила, что внутри стоит кассета, нажала красную кнопку.

— Егор Филатов, Раиса Пашкова, Олег Левин, Людмила Маркова, Анатолий Дубин, Мирослав Нечаев. И седьмой человек, которого не назвали. Если вы это когда-нибудь услышите, простите, что я не знаю вашего имени.

Котова собиралась возразить, но Вельская подняла удостоверение.

— Я присутствую при записи. Это обращение к заинтересованным лицам, не показания об их вине.

Я увидел, как у кресел на мгновение дрогнули тени. Не исчезли, не обрели лица. Но к каждому словно привязали звук, не требующий печати. Варя убрала диктофон. Она не пыталась победить устройство музыкой; просто сделала то, чего никто из взрослых не счёл необходимым.

В соседнем окне хрустнуло стекло.

Через приоткрытую дверь донёсся голос охранника:

— Без очереди нельзя! У нас запись…

В дверном проёме возник человек в сером пальто. На ладони у него чернел штамп «ОТМЕНЕНО». Я уже видел та-

ких. Когда они приходили, правила обычно продолжали действовать — просто не в пользу тех, кто пытался жить.

Серый прошёл к столу, не глядя на людей. За ним шла женщина в такой же одежде, держа пустой металлический лоток.

— Предварительные материалы о первичной правке подлежат изъятию, — сообщил первый. — До окончания внутренней проверки. Прошу участников освободить места.

— Вы не уведомили меня, — сказала Котова.

— Теперь уведомили.

— Какой номер распоряжения?

— Он будет присвоен после исполнения.

Нина негромко фыркнула.

— Вы собираетесь изъять доказательства на основании распоряжения, которого ещё нет?

— До появления распоряжения доказательства небезопасны, — ответил серый. — Не затрудняйте обеспечение.

Он протянул руку к копии заявления.

Я отступил не потому, что испугался. Во всяком случае, мне так хотелось думать. Нога сама нашла путь к выходу, как только ладонь с печатью оказалась близко. Под моим рукавом до сих пор не хватало кусочка ткани, который пустотник забрал на Мостовой. Терять следующий фрагмент себя из-за бланка совершенно не хотелось.

— Если вы удалите документ, — сказала Варя, — откуда тогда берётся вина?

— Из действующей записи.

— А запись откуда?

— Из удостоверенного документа.

— Который вы удалите.

Серый посмотрел на неё. Удивление у него было не человеческим, а служебным: как у принтера, которому предложили печатать на воде.

— Не входите в предмет процедуры, несовершеннолетняя.

— Я уже в ней. Вы меня туда сами записали.

Он обошёл Варю и поднял ладонь над столом. На самом краю копии проступил чёрный прямоугольник, будто лист медленно погружали в чернила.

Котова резко накрыла бумагу металлической линейкой.

— При мне не изымают то, что ещё не учтено, — сказала она. — Уберите руку.

— Вы понимаете последствия?

— Лучше вас. Это моя обязанность.

В этот миг входная дверь распахнулась, впустив холодный ноябрьский воздух и человека с огромной потёртой сумкой через плечо.

Семён Ильич выглядел так, будто успел поссориться с половиной города и проиграл только зонтику. На куртке блестели дождевые капли. В руках он держал старый прошитый журнал, стянутый бельевой резинкой. Под мышкой — серый чемодан.

— Кто здесь принимает утраченное? — спросил он.

У меня вырвался нервный смешок.

— Семён Ильич, мы же просили не тащить чемодан!

— Я тоже просил тебя вовремя приходить на работу. Не всем просьбам суждено сбыться.

Серый исполнитель развернулся к нему. Печать на ладони потемнела.

— Предмет не должен находиться в этом помещении.

— Что вы говорите, — спокойно ответил мой начальник. — А у меня в описи написано, что должен находиться там, где его принимают по акту. И точно не у вас под мышкой. У вас ни мышки, ни акта.

— Передайте предмет.

— Сначала предъявите расписку.

Серый сделал шаг. Семён Ильич не отступил. Мне стало страшно за него сильнее, чем когда в коридоре метро на нас вышел первый исполнитель. Начальник ведь не умел возражать реальности. Он умел возражать бухгалтерии, что в нашей ситуации иногда было полезнее, но далеко не всегда.

Котова встала.

— Исполнитель. На моём столе проходит публичная регистрация. В присутствии двух независимых служащих вы не можете изъять носитель без предварительной описи. Это выучивают на первом месяце службы.

— Статус регистрации может быть отменён.

— Может. Потом. С номером распоряжения.

Нина скрестила руки.

— Выбирайте: уходите сами или я занесу в протокол попытку уничтожения доказательств.

Серый человек посмотрел на меня. От его взгляда веяло тем же холодом, что от пустых прямоугольников на Мостовой. Потом он медленно опустил руку. Женщина с лотком остановилась у двери.

— Обеспечение будет завершено в семнадцать ноль-ноль, — сказал он. — Без отдельного уведомления.

Они ушли.

В воздухе ещё несколько секунд пахло нагретой резиной. Левый угол стола почернел там, где серый успел коснуться дерева.

— Мне вот что интересно, — сказал Семён Ильич, осторожно ставя чемодан на пол. — Когда у нас появились служащие, которым выдаётся печать, но не полагается бумага?

— Когда выяснилось, что бумага может ответить, — сказал я.

— Вот. Я всегда подозревал, что ты не безнадёжен.

Он разложил журнал перед Котовой. Первая страница была исписана вручную. Строки делились на два столбца: «Поступило» и «Получено». У каждой стояли номер, дата, подпись принимающего и подпись свидетеля.

— Приёмная книга Бюро утраченного имущества, — произнёс Семён Ильич. — Открыта в две тысячи одиннадцатом. Последний раз переплёт чинили в девятнадцатом. За-

писи физические, сквозные. Если хотите, могу назвать, кому принадлежала дырка от степлера на странице двести шестнадцать.

— Не нужно, — сказала Котова.

— А жаль. Хорошая история.

Он открыл разворот с датой «10 ноября 2026». В графе поступлений значилось: «23:58. Чемодан серый, тканевый. От гражданина, назвавшегося Н. А. Гориным. Опись вложения: шарф шерстяной, бирка транспортная, предмет из закрытого отделения — без вскрытия». Под строкой подпись Семёна Ильича и подпись ночной сторожихи Нади.

Следующая строка:

«00:00. Повторное требование о выдаче без предъявления квитанции. Отказано». На полях карандашом добавлено: «Посетитель отражения в стекле не имеет».

— Это я записал потом, — пояснил начальник. — Мне показалось, ночи нужна не только служебная, но и человеческая память.

Нина сверила время со своим актом изъятия сейфа Тамары. Котова наклонилась ближе.

— При чём здесь первичная правка двенадцатого ноября две тысячи четырнадцатого?

— Пока ни при чём, — ответил Семён Ильич. — Вот почему я не люблю ваших восстановленных документов. Сначала люди находят совпадение, а потом придумывают ему родословную.

Он перевернул лист.

— Но у нас есть ещё одна запись, сделанная до того, как ваш гражданин стал подозреваемым. И у неё есть связь с шестым отделом.

Внизу страницы стоял чернильный оттиск: «ПЕРЕДАЧА В ФОНД ИСХОДНЫХ УТРАТ. ШЕСТОЙ ОТДЕЛ. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НОСИТЕЛЬ ТРЕБУЕТ УДОСТОВЕРЕНИЯ».

В графе «Оригинал связан с делом» значился номер, который я знал наизусть: «000001».

— Кто поставил эту отметку? — спросила Нина.

— Не знаю, — ответил Семён Ильич. — Утром её не было. Поэтому я привёз книгу. Если у нас начали появляться новые подписи, хочу, чтобы их хотя бы видели до того, как назовут старыми.

Моё «Свидетельство» засветилось на крайних строках журнала:

«ИЗМЕНЕНИЕ ДОКУМЕНТА: 11.11, 15:42».

«ВСТАВЛЕНА ССЫЛКА НА ДЕЛО № 000001».

«ФИЗИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОТТИСКА: НЕ УСТАНОВЛЕНО».

Впервые за несколько часов я увидел не доказательство против себя, а аккуратно оставленный кем-то след к месту, где его прятали.

И кто-то из серых очень не хотел, чтобы мы по этому следу пошли.

Котова изучала чернильную отметку под лупой. Чёрные линии находились поверх старых красных клеток, но в бумагу впитались неровно, как если бы штамп не поставили, а заставили страницу вспомнить его.

— Приёмная книга подлежит служебному осмотру, — произнесла она.

— Осматривайте, — сказал Семён Ильич. — Только не тем человеком, у которого штамп на руке. Мне такое один раз уже пытались проделать с табуреткой. Шестнадцать лет служила, а оказалось — отсутствовала.

— Оттиск появился сегодня в пятнадцать сорок две, — сообщил я.

Вельская повернула ко мне голову.

— Это подтверждено вашей функцией?

— Да. Но кто добавил — не вижу.

— Ещё одно основание для сомнения, — сказала она.

Котова выпрямилась.

— Сомнение не равняется доказательству. Я должна действовать по существующему списку.

Я посмотрел на семь пустых кресел. На самом близком полупрозрачная ладонь всё ещё лежала на подлокотнике. Мне казалось, я уже слышал подобные слова от людей в сером. Но сейчас их произносила женщина, которая минуту назад помешала уничтожить документы. И это делало всё хуже: нас нельзя было спасти простым ударом по одному плохому человеку.

— А в вашей процедуре бывает такое, — спросил я, — что государство признало документ утраченным, держит его где-то у себя и при этом требует, чтобы гражданин доказал, что в этом документе не написана гадость?

— Бывает.

— И?

— Тогда обязанность доказать содержание переходит на хранителя исходного носителя. Если установлен хранитель.

Семён Ильич кашлянул.

— Вот тут мне начинает не нравиться направление беседы.

Котова указала на чернильную отметку.

— Если заявляете, что именно ваш фонд располагает сведением об утрате первичного носителя, вы вправе оформить передачу ответственности за происхождение записи. При условии личного удостоверения хранителя.

Нина встала так быстро, что стул ударил о паркет.

— Далия, не предлагайте этого.

Регистратор тоже поднялась.

— Я предлагаю законную процедуру.

— Вы прекрасно знаете, что происходит с ведомственным хранителем, если исходный фонд объявляют ненадёжным.

— Знаю.

Я перевёл взгляд с одной на другую.

— Можно короткую версию? Желательно ту, которую не помещают мелким шрифтом на крышке гроба.

Нина сжала губы.

— Вина в первичной правке будет временно снята с тебя и исключённых свидетелей. Не навсегда. До исследования оригинала. Но Реестр перенесёт обязанность установить подлинность на учреждение, которое признало носитель утраченным. Если оно не подтвердит свою запись, учреждение могут исключить из действующей истории. Вместе со всем фондом.

Я посмотрел на своего начальника.

Вся его жизнь помещалась в старом депо: списанные велосипеды, чужие фотоальбомы, забытые зонтики, ключи от дверей, которых уже не существовало. Он знал историю каждой вещички, которую никто другой не захотел помнить. На нём держалось Бюро, к которому я приходил на работу поздно, уходил рано и которое всегда казалось мне абсолютно бессмертным — как пыль.

— Нет, — сказал я. — Так мы не делаем.

Котова спокойно сложила папку.

— Тогда до семнадцати часов вы представляете другой материальный источник.

Часы показывали 16:49.

Никита Горин, двадцать семь лет. Дважды хотел спасти семью. Дважды выяснял, что семья — не всё население города. Сейчас я собирался попросить пожилого человека поставить крест на собственной жизни, чтобы не ставить его на семи неизвестных именах.

Честная просьба стала бы лишь немного менее мерзкой.

— Семён Ильич, — сказал я. — Возьмите журнал и уходите. Если у нас не получится, я сам объясню, почему. Не хочу, чтобы вы…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.